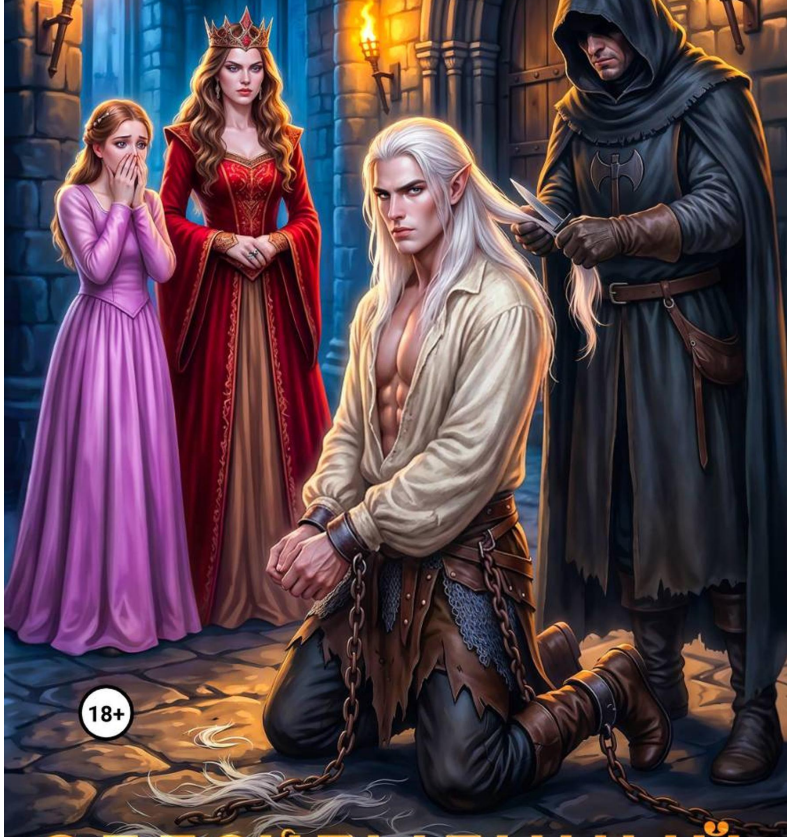

Анна
Жнец

18+

ОБЕСЧЕЩЕННЫЙ,
или Ход Мирантии

Анна Жнец Обесчещенный, или Ход Мирантии

<https://litres.ru/74335349>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я — королевская фрейлина. Моя госпожа задумала погубить своего мужа — красивого эльфийского воина, который проливал кровь за нее и наше королевство. Теперь королева желает себе другого супруга, а от первого хочет избавиться.

Она обвиняет его в измене Престолу, подсовывая ложные улики. Его ждет публичная Кара Позора и изгнание в мужской монастырь, где он должен провести остаток своих дней. В одиночестве, в бесчестье.

И только я останусь рядом с ним, когда все другие отвернутся.

Содержание

Аннотация:	4
Глава 1. Мирантия	5
Глава 2. Мирантия	10
Глава 3. Мирантия	15
Глава 4. Мирантия	25
Глава 5. Мирантия	31
Глава 6. Мирантия	36
Глава 7. Эларион	41
Глава 8. Эларион	49
Глава 9. Мирантия	54
Глава 10. Эларион	60
Глава 11. Мирантия	64
Глава 12. Эларион	70
Глава 13. Мирантия	74
Глава 14. Эларион	80
Глава 15. Мирантия	85
Глава 16. Мирантия	90
Глава 17. Мирантия	94
Глава 18. Эларион	99
Глава 19. Эларион	104
Глава 20. Мирантия	109
Г	114
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Анна Жнец Обесчещенный, или Ход Мирантии

Аннотация:

Я — королевская фрейлина. Моя госпожа задумала погубить своего мужа — красивого эльфийского воина, который проливал кровь за нее и наше королевство. Теперь королева желает себе другого супруга, а от первого хочет избавиться.

Она обвиняет его в измене Престолу, подсовывая ложные улики. Его ждет публичная Кара Позора и изгнание в мужской монастырь, где он должен провести остаток своих дней. В одиночестве, в бесчестье.

И только я останусь рядом с ним, когда все другие отвернутся.

Глава 1. Мирантия

Я смотрела на королеву, потрясенная ее словами до глубины души. Только что ее величество поделилась со мной своими планами. То, что она собиралась сотворить с собственным мужем...

Мелкая, противная дрожь зародилась в кончиках моих пальцев.

Неужели она это сделает? Неужели обвинит красавца Элариона — самого достойного из мужчин — в столь тяжком преступлении?

— Но он этого не делал! — воскликнула я, позабыв о приличиях, и тут же зажала ладонью рот. Нельзя вызывать недовольство госпожи. Еще чего доброго, заставит разделить наказание с тем, кого пожалело мое мягкое сердце.

Несколько секунд я стояла, едва дыша, пока не убедилась, что мой порыв не разозлил эту жестокую женщину.

Королева Валеста снисходительно усмехнулась, и мои плечи слегка расслабились.

— Конечно, не делал. Эларион предан мне, как пес. С самого первого дня замужества. Может, он и не пылает ко мне великой любовью — все-таки наш брак договорной. Но служил мне верой и правдой все эти годы.

Ее губы брезгливо кривились, когда она говорила о муже, словно он бы жалок и безобразен. Но на самом деле...

Перед глазами возник образ благородного эльфийского воина. Сколько раз я наблюдала из окна своей спальни за его тренировками. Как стремительно мелькал в его руках острый меч, превращаясь в серебристую тень. Как каждая выпущенная из лука стрела неизменно достигала центра мишени.

Перед тем, как взяться за оружие, Эл всегда собирал свои длинные пепельные волосы в небрежный пучок и снимал рубаху, обнажая тугие мышцы.

Как можно брезговать мужчиной с таким роскошным телом? Насколько мне было известно, последние десять лет королева Валеста не допускала Элариона до супружеского ложа.

А теперь она обвиняет его в измене.

Но он не мог ей изменить. Не мог, как бы долго она ни отказывала ему в близости. Для него честь — не пустой звук. Я знаю. Вижу. Он из тех мужчин, кто ни за что не уронит собственного имени и никогда не нарушит клятву, данную перед богами. Да и сама Валеста только что признала, что он был ей верен.

— Если муж не изменял вам, то почему...

Я осеклась.

«...почему вы хотите оклеветать его, опозорить перед всем королевством? Это пятно не смыть. А наказание... ему ведь грозит страшная кара. За предательство, которого он не совершал».

Всего этого я, конечно, не произнесла вслух — лишь мыс-

ленно сокрушалась о такой вопиющей несправедливости.

Ее величество раздраженно дернула плечом.

— Надоел он мне. До тошноты. Видеть его больше не могу. Хочу другого взять своим мужем. Сальварина из Дома Золотой Пряжи.

И она улыбнулась, словно предвкушая жаркие ночи в объятиях любовника.

У меня пропал дар речи. Я застыла, не в силах поверить в столь немыслимую жестокость.

Чтобы не запятнать себя разводом, королева решила сгноить ставшего ненужным супруга — и так освободить место для нового.

Но какая бы буря ни поднялась внутри, мне оставалось лишь молчать, опустив глаза.

— Поспешим, — сказала королева. — Скоро начнется суд над этим никчемным существом.

Я шла за ней, словно во сне, дрожа всем телом. Тяжелые двойные двери Зала Правосудия распахнулись перед нами с пронзительным скрипом. Внутри, в дрожащем свете факелов, теснилась толпа — людей было так много, что под каменным сводом стоял густой, давящий гул. Но с появлением ее величества все мгновенно притихли.

Горделиво ступая, наша госпожа Валеста прошла по живому коридору, поднялась по ступенькам на возвышение и опустилась на трон. Я заняла свое обычное место — у ее правого плеча. При мысли о том, что сейчас случится, у меня

подгибались ноги. Жаль, что нельзя было опереться о спинку королевского кресла.

Вскоре дубовые двери снова распахнулись. Стражники ввели в зал Элариона. По толпе прокатилась волна нестройного шепота. Придворные шарахались от лорда-консорта, как от прокаженного, но глазели с жадным любопытством.

Супруг королевы шел, гордо вскинув голову. Цепи на его руках, скованных спереди, мрачно позвякивали. Длинные белые волосы свободно падали на плечи, рубаха на груди была перекошена и застегнута не на те пуговицы, отчего один подол поднимался выше другого. Из-под черных домашних штанов выглядывали босые ноги. Босиком по холодным камням...

Я вспомнила, что сегодня днем Эларион вернулся из похода, где сражался с огненными гарпиями, защищая королевство и покой его подданных. И, уставший, отправился отдыхать. Похоже, его подняли прямо с постели и притащили на суд, даже не позволив привести себя в порядок.

Ему хотя бы удосужились объяснить, в чем его обвиняют? Вероятно, нет.

Он встал перед женой, расправив плечи, и, сохраняя собственное достоинство, громко спросил:

— В чем дело, ваше величество? Почему я здесь и в таком виде?

Он показал ей свои скованные руки.

Я сжалась.

Сейчас, перед всеми этими людьми, его опозорят, обвинят в тяжком преступлении, в порочной, постыдной связи с другой женщиной. Страшно представить, каким ударом это будет для Элариона, ведь он так дорожит своей честью. Не хочу видеть его реакцию.

Глава 2. Мирантия

— Ваше Высочество, лорд-консорт, — эхом разнесся по залу голос судебного глашатая, — Эларион Мириан тэл'Дарэм. Вы обвиняетесь в измене Короне.

— Что за чушь! — воскликнул супруг королевы.

Цепи на его руках зазвенели. Он качнулся вперед, к трону, но стражники выставили копья, и железные наконечники уперлись ему в грудь.

В голубых глазах скованного эльфа вспыхнуло пламя.

— Семь полных лун я сражался на южных рубежах Даэл-мора! Семь полных лун оттеснял огненных тварей от наших границ, и лишь три часа как ступил в собственный дом. Ответьте же, когда я успел изменить Короне?

Он впился взглядом в лицо жены.

Наверное, у меня разыгралось воображение, но я почти слышала его мысли — слышала его безмолвный крик: «Какого демона, Валеста?! Что происходит? Я проливал кровь ради тебя. Вернулся, едва живой от усталости. И просто хочу спокойствия. Скажи им! Скажи, что это ошибка!»

Но королева восседала на троне с видом ледяной статуи. Ни один мускул не дрогнул на ее лице. Она смотрела сквозь мужа, будто не видела его.

А он, казалось, сейчас кинется к ней, рискуя насадиться на копья.

Я сжала кулаки, вонзая ногти в мякоть ладоней. Вся эта вопиющая несправедливость сводила меня с ума.

— Вы вернулись в Даэлмор три часа назад, — подтвердил судебный глашатай равнодушным тоном. — И около часа назад совершили тяжкое преступление.

— Час назад я еще спал!

Слова обвиняемого упали в пустоту. Хранитель закона пропустил их мимо ушей.

— Пока вы отдыхали, — продолжил он, — служанка принесла вам в опочивальню ужин. И этим моментом вы воспользовались, чтобы попать священные узы брака.

— Что? — лорд-консорт замер, широко распахнув глаза.

В переполненном зале поднялся оглушительный гул. Кто-то качал головой, женщина в первом ряду шептала что-то своей соседке, прикрывая рот ладонью. Самые любопытные вытягивали шеи и старались протиснуться вперед. Я догадывалась, о чем они думают: лорд-консорт изменил своей венценосной супруге, теперь его ждет суровое наказание — надо посмотреть поближе.

Меня затошнило.

— Гнусная ложь! — к опороченному эльфу вернулся голос, и он закричал, пытаясь поймать взгляд жены. — Ваше величество, вы же не думаете, что это правда? Эти обвинения просто смехотворны. И унизительны. Вы прекрасно знаете, что я не предатель.

Королева Валеста вздернула подбородок, продолжая

смотреть на мужа, как на пустое место. Ее длинные ногти, покрытые алым лаком, непрестанно скребли подлокотники трона.

— Есть свидетельница вашего злодеяния, — громко объявил глашатай. — Сира Антония, та самая служанка, с которой вы уронили свое достоинство.

Галдящая толпа расступилась. Стражники вывели вперед растрепанную блондинку в порванном платье. Юбка смята, рукав болтается на нитках, оголяя плечо, нескольких пуговиц не хватает — выглядела она так, словно ее только что вытащили из-под шайки разбойников.

— Сира Антония, расскажите, что случилось, — попросил глашатай.

Люди в зале притихли, готовые жадно внимать каждому ее слову. Его высочество Эларион перевел на девицу хмурый, тяжелый взгляд. Та вздрагивала, делая вид, что размазывает по щекам слезы. Но глаза оставались сухими и трусливо бегали.

— Этот... этот господин, — она указал пальцем на лорда-консорта, — набросился на меня, когда я принесла ему ужин в покои. Он... он... — ее плечи затряслись. Она спрятала лицо в ладонях и выдала серию жалобных, наигранных всхлипов, но при этом произнесла очень отчетливо, так, чтобы услышали все: — Надругался надо мной. Взял меня против воли. Повалил на кровать и обесчестил.

Эларион дернулся словно от удара. Его лицо с идеальны-

ми правильными чертами мгновенно налилось нездоровой краснотой.

— Как ты смеешь... — процедил он голосом, дрожащим от гнева. — Я никогда, никогда не взял бы женщину силой...

Но его слова потонули в ропоте толпы.

— Возмутительно! — выкрикнул кто-то.

— Бедная девушка, — сокрушалась графиня Ильмон, любившая поколачивать своих служанок.

— Как низко, — цокнул языком ее муж, которого, не далее как вчера, сняли с рыдающей молодой прачки.

Мне хотелось отвернуться. Броситься прочь из зала. Не видеть этих скользких лицемеров. Не слышать лживых обвинений. Но я, королевская фрейлина, должна была стоять по правую руку от госпожи, пока не прозвучит приговор.

Эларион замер перед тронем, будто оплеванный. Щеки его горели. Он сжимал кулаки, но старался держать голову высоко поднятой.

— Украл мою невинность, — завывала и дальше сира Антония, упиваясь своей мимолетной славой. Все эти богатые, разодетые господа смотрели на нее, ловили каждое ее слово и сочувственно охали. Столько внимания ей одной.

В какой-то момент я опустила взгляд — и заметила, что из-под ее подола выглядывают носочки новых бархатных туфель. Старое, застиранное платье, цена которому грош. И туфли за десять золотых. На жалование служанки такие себе не позволишь. Тем более эти — алые, с ленточками — я

видела в гардеробном шкафу ее величества. Так как же они оказались на ногах прислуги?

Картинка в моей голове окончательно сложилась, и мне вдруг захотелось расцарапать лицо этой продажной гадине, оболгавшей честного мужчину — возможно, единственного достойного во всем Даэлморе.

— Клевета. Наглая клевета, — упрямо повторял эльф, глядя на жену.

Королева резко поднялась на ноги и произнесла с открытым презрением:

— Ты опозорил себя, Эларион Мириан тэл'Дарэм. И меня унизил своим предательством. После всего содеянного ты больше не можешь оставаться ни моим мужем, ни лордом-консортом. Я снимаю с тебя все регалии. В том числе титул генерала. В замке тебе нет места. Остаток жизни ты проведешь в мужском монастыре в провинции Штоль, где будешь замаливать свои грехи и просить Великую о снисхождении.

Она замолчала, словно наслаждаясь потрясенной тишиной в зале.

Затем добавила:

— Но прежде, чем отправиться туда, встань на колени и прими свое позорное наказание.

Я похолодела, заметив, как сквозь толпу к осужденному пробирается огромный мужик в черном балахоне и в маске из грубой мешковины. Палач.

Глава 3. Мирантия

— Позор? Наказание? Измена Короне? — Ноздри Элариона гневно раздувались.

Он вздернул подбородок — и вдруг неуклюже, скованными руками разорвал на себе рубашку.

Я ахнула, не понимая, зачем он это сделал.

Придворные зашептались.

Королева Валеста будто растерялась на секунду. Краем глаза я уловила, как она шагнула назад.

— Смотри! — эхом пронесся по залу сильный голос. Эларион глядел только на жену, ни на кого больше. — Смотри на эти шрамы. Я получил их в бою. Когда защищал наше королевство. Тебя.

Теперь я заметила, что по его плечу, перетекая на грудь, тянется сеть зарубцевавшегося ожога. Бледная плоть вздувается буграми, похожими на застывшие волны. Самый длинный шрам, толстый и грубый, почти касается соска, маленького и нежного.

Семь месяцев назад, когда Эларион тренировался без рубашки под окном моей спальни, этих страшных отметин еще не было. Он получил их в последнем бою.

— Так выглядит мое предательство? — закончил он глухим голосом и позволил полам разорванной рубашки свободно повиснуть.

Я осторожно покосилась на королеву. Та кривила идеально накрашенные губы.

Под нарастающий гул толпы судебный глашатай повторил ее недавние слова:

— Лорд-консорт, опуститесь на колени и примите наказание.

Но осужденный лишь шире расправил плечи и выше вздернул непокорную голову.

Я замерла, охваченная дурным предчувствием. Липкий холодок страха зазмеился по спине.

Сейчас что-то будет. Что-то нехорошее.

Палач взглянул на королеву. Та едва заметно кивнула. Голова, скрытая колпаком с прорезями для глаз, качнулась в ответ. Рука в черной перчатке потянулась к плети на поясе.

Резкий свист заставил меня вздрогнуть.

Кожаные хвосты плети хлестнули упрямца по голеним — и он рухнул на колени. Попытался подняться. Оскалился, когда понял, что не может. Зарычал, удваивая усилие. Тщетно. Магия палача давила ему на плечи, пригибая к земле.

Забывшись, я обхватила себя за талию, но сразу опомнилась и приняла позу, достойную королевской фрейлины. Происходящее было для меня настоящей пыткой. Стоять на этом проклятом помосте и наблюдать за унижением Элариона. Знать, что он невиновен, но молчать.

За что королева Валеста так жестока с мужем? Он ведь такой красивый, добрый, верный...

Если бы этот мужчина был моим...

Я судорожно вздохнула, испугавшись собственных мыслей.

В глубине зала, у самых дверей, за толпой, жадной до зрелищ, маячила знакомая фигура в кроваво-красном камзоле — мужчина, который каждую ночь грел постель королевы, пока ее законный супруг горел в огне гарпий. Сальварин из Дома Золотой Пряжи пришел посмотреть на суд. Даже отсюда я видела на его губах гаденькую улыбочку. Подонок.

— Грех прелюбодеяния — один из самых страшных, — торжественно объявил глашатай. — Каждый совершивший его будет заклеямен позором.

Палач накрыл своей тенью стоящего на коленях Элариона.

Мое сердце остановилось, когда в дрожащем свете факелов блеснули острые ритуальные ножницы.

— Не смей, — прошипел бывший лорд-консорт, не сводя взгляда с рук в черных перчатках.

«Нет, пожалуйста, нет!» — закричала я про себя, когда поняла, что сейчас произойдет.

Густые, волнистые, пепельно-лунные волосы были главной гордостью Элариона, впрочем, как и любого эльфа. Символом мужества. Показателем высокого статуса. Они спускались ему до пояса. А сейчас, когда он стоял на коленях, не в силах разогнуться под чужой магией, их идеально ровные кончики подметали каменный пол.

Горло сжалось болезненным спазмом.

Я помнила, как эти шикарные волосы сияли на солнце серебряным светом. Теперь же под безжалостное шелканье ножниц одна за другой мягкие пряди осыпались на грязную плитку у ног палача.

Я закрыла глаза, чтобы этого не видеть.

Какое невыносимое унижение! Остриженными в Даэлморе ходили только простолюдины.

* * *

Не знаю, сколько времени я провела в темноте под опущенными веками. Ножницы шелкали и шелкали, а потом затихли.

— Пройдем в мои покои, Мирантия, — поднимаясь с трона, королева зашуршала своим роскошным одеянием. — Мне надо поговорить с тобой.

С сожалением я была вынуждена открыть глаза, покинув свое мысленное убежище.

Зал Правосудия пустел. Толпа постепенно расходилась. Я боялась смотреть на униженного воина, которым в тайне восхищалась, но не утерпела и бросила в его сторону напряженный взгляд.

Эларион застыл на коленях, сгорбившись и низко опустив остриженную голову, хотя никто более не вынуждал его оставаться в таком положении. Неподвижный, он смотрел на россыпь серебристых нитей, некогда бывших его гордостью, а теперь ставших мусором на полу.

Утешало лишь то, что его не обрили налысо, а только гру-

бо обкорнали до плеч, но я все равно ощутила себя ограбленной, словно у меня отняли что-то очень важное.

С трудом я заставила себя отвернуться от Элариона и последовала за королевой к выходу. Наши шаги по темному коридору замка сегодня отчего-то казались тяжелыми и оглушительными, похожими на удары молота.

— У меня для тебя поручение, Мирантия, — сказала ее величество, едва за нами закрылась дубовая дверь ее покоев.

Я молча подняла на нее глаза.

— Ты моя главная фрейлина, моя родственница, моя правая рука, — продолжила королева. — Ты честная и преданная.

«Ваш муж тоже был честным и преданным», — подумала я не к месту, но прикусила язык.

— Я могу тебе доверять. Поэтому хочу, чтобы эту услугу мне оказала именно ты.

— Какую услугу, ваше величество? — спросила я тихим голосом.

Королева Валеста прошла к секретеру и достала из ящика конверт, запечатанный сургучом. В следующую секунду этот конверт оказался в моих руках.

— Я хочу, чтобы ты сопровождала моего бывшего муженька до монастыря Великой Аскезы и передала это письмо лично в руки настоятелю.

— Будет исполнено, ваше величество.

Мое сердце забилося чаще. Два дня пути в тесной карете,

один на один с Эларионом. Мы будем сидеть друг напротив друга, почти соприкасаясь коленями, пока за окном проплывают леса и поля. Впервые я окажусь так близко к опальному генералу.

— Поужинай, Мирантия, и собирайся, — голос королевы вырвал меня из волнующих грез. — Экипаж отъезжает ровно в девять вечера.

— Спасибо... то есть я поняла, ваше величество. Разрешите идти?

— Ступай.

Я изобразила неловкий поклон, растянув в стороны ткань юбки, и поспешила к выходу. Шероховатый конверт из плотной писчей бумаги жег мне ладонь. Что там внутри?

В коридоре я остановилась и осторожно провела пальцем по краю сургучной печати, пытаюсь угадать, какие распоряжения королева Валеста дала настоятелю мужского монастыря. Может, она велела посвятить своего бывшего мужа в сми́рны*? Или в письме скрыты какие-то особые указания?

На смену приятному волнению пришла тревога. Я знала, что монастыри в Даэлморе — это не мирная гавань, а такой же гадюшник, полный интриг и козней, как и королевский дворец. И люди их возглавляют самые обыкновенные, жадные до власти и денег. Если моя госпожа задумала подлость против своего и без того униженного супруга, заповеди Аскезы не смогут его защитить.

Я закусила губу. Меня вдруг охватило острое, навязчивое

желание вскрыть конверт и убедиться, что Элариону ничего не грозит. Я даже поддела ногтем краешек печати, но вовремя себя остановила.

Что ты творишь, Мирантия? Прочитать королевское послание — государственная измена. Хочешь быть остриженной и сосланной в монастырь, как и тот, за кого у тебя болит сердце?

Я глубоко вздохнула, возвращая себе здравый смысл, и продолжила путь. У меня оставалось не так много времени, чтобы поужинать, уложить вещи в сундук и добраться до каретного двора, откуда обычно отходят экипажи.

* * *

В половине девятого зарядил дождь, и мне пришлось шлепать по лужам, кутаясь в зачарованный плащ, который не мог промокнуть даже под самым яростным ливнем. Однако ботиночки мои были самыми обычными, и в них уже неприятно хлюпало.

Нужный экипаж ждал меня рядом с главным навесом. В дождливом сумраке окна кареты горели уютным оранжевым светом, словно маяки. Чуть поодаль держались двое всадников на вороных жеребцах. Полы их черных накидок хлопали на ветру, руки в алых перчатках сжимали поводья, будто запачканные кровью.

При виде инквизиторов-тени я сбилась с шага, охваченная внезапной дрожью, словно сама смерть глядела на меня из темноты опущенных капюшонов. Так вот кого королева

приставила сопровождать нас до монастыря — магов из ордена Безликих. Они проследят за тем, чтобы изгнанник точно добрался до места назначения.

Кучер на козлах помахал фонарем, пытаясь привлечь мое внимание.

— Сюда, лера. Сюда.

Я быстро юркнула в экипаж, не дожидаясь, пока старик спустится и откроет мне дверцу. Хотелось скорее укрыться от дождя, но главное — от взглядов этих мрачных колдунов.

Внутри я вздохнула от облегчения, а спустя секунду заметила в приглушенном свете фигуру Элариона. На нем была простая темная туника, перехваченная ремнем, и дорожный плащ, небрежно накинутый на плечи. Его волосы висели рваными, спутанными прядями разной длины: на затылке они были короче и торчали клочьями, у лица — длиннее и цеплялись за поднятый ворот плаща. Эларион мазнул по мне равнодушным взглядом и отвернулся к окну. Рядом с его головой покачивалась маленькая каретная лампа, играя бликом на острой линии мужской скулы.

У меня почему-то резко пересохло в горле. Чувствуя ужасную неловкость, я устроилась напротив своего спутника, на самом краешке мягкого диванчика, и вжалась в стенку экипажа.

Потухшим взглядом Эларион следил за ручейками воды на оконном стекле.

Бедняга. Его жизнь и репутация полностью разрушены.

Впереди изгнание и безвестность. Скорее всего, его насильно постригут в смирны, а это — строгие правила, жесткие запреты и вечный целибат. Для молодого мужчины, привыкшего блистать при дворе, такая жизнь — прозябание. А ведь единственная его вина в том, что влиятельная жена решила уложить в супружескую постель другого красавца.

Я тихонько вздохнула.

Эларион поежился, кутаясь в плащ, хотя в карете было даже душно — зябкий холод с улицы сюда не проникал, благодаря особым бытовым чарам. Я стянула с себя верхнюю одежду, осторожно поглядывая на своего молчаливого соседа. Он был настолько угрюм и замкнут, что казалось, за всю дорогу не проронит ни слова.

Но карета тронулась, и Эларион сказал:

— Я этого не делал.

Он вперил в меня прямой, твердый взгляд. Его голос прозвучал сухо и холодно. Высокий воротник плаща скрывал его лицо почти до скул.

— Я не изменял своей жене. Я не насиловал ту девушку. Я не предатель и не подонок.

Процедив это, он отвернулся к окну, и тишина утонула в мерном постукивании колес. Я обнаружила, что судорожно комкаю в руках свой заколдованный плащик.

— Знаю, — вырвалось у меня почти против воли. — Верю вам, ваше высочество.

Сердце в моей груди гулко и болезненно отбивало удары.

Бывший лорд-консорт скосил на меня глаза.

— Я больше не высочество, — хмуро бросил он.

Ответить мне было нечего. Спасаясь от чужого цепкого взгляда, я уставилась в дождливую тьму, но оконное стекло стало зеркалом и отражало мрачную фигуру моего попутчика.

— Кто-то меня подставил, оклеветал, — прохрипел он после долгого молчания. — Как Валеста могла в это поверить? Как? Я должен открыть ей глаза!

Я вскинулась, желая закричать во все горло, что открыть глаза надо не Валесте, а ему самому. Это же она и толкнула его в грязь!

Все внутри у меня кипело, наружу рвалось опасное признание. Я не могла молчать. Просто не могла молчать!

Смирны* — члены религиозного ордена, живущие по уставу, основанному на аскезе, послушании и отказе от мирских удовольствий.

Глава 4. Мирантия

— Вы хотите мне что-то сказать, лера?

На меня внимательно смотрели голубые глаза.

Я подобралась, наполнив грудь воздухом.

Да. Хочу. Хочу, чтобы вы узнали, кто виноват в вашем позоре. Чтобы наконец поняли: жена у вас жестокая, вероломная стерва. И чтобы не питали на ее счет никаких иллюзий.

Мой разум, наверное, помутился. На короткий миг рассудок словно покинул меня. Я открыла рот, всерьез намеренная вывалить на бывшего мужа королевы всю грязную, беспощадную правду. Но тут за окном кареты мелькнул злобещий силуэт всадника инквизиции: черная накидка, алые перчатки, капюшон, в тени которого не видно лица.

В этот момент на меня будто обрушился ушат ледяной воды. И слова застряли в горле.

Его высочество Эларион — мужчина с горячей кровью, даром что эльф. Сейчас он покорно следует в монастырь, но стоит ему узнать о предательстве — и поднимется буря.

Я почти видела, как он разворачивает карету, направляя ее обратно в королевский дворец. Как инквизиторы-тени пытаются ему помешать и применяют свое страшное колдовство. Схватка. Бойня. Кровь. Раны. Своим признанием я погублю и Элариона, и себя.

А может, он и вовсе мне не поверит и обозлится.

Я прикусила язык.

Мой спутник продолжал буравить меня подозрительным взглядом.

— Так что же, лера? Мне кажется, или у вас есть для меня какие-то сведения?

Я тяжело сглотнула.

— Нет. Никаких сведений, ваше...

Я осеклась, вспомнив, что он больше не высочество.

— Просто... Просто я взяла с собой в дорогу немного еды и хотела предложить вам перекусить. Путь неблизкий, а время позднее. Вряд ли до завтрашнего утра мы остановимся у какой-нибудь таверны.

Взгляд Элариона смягчился. Некоторое время он разглядывал меня — так, словно пытался прочесть мои мысли. Когда он заговорил, в его голосе звучало неподдельное удивление.

— После той безобразной сцены во дворце никто больше не подаст мне руки, а вы предлагаете разделить с вами хлеб?

— Не хлеб, — смутилась я. — Пирожки с курятиной. Служанка собрала мне в дорогу.

По губам Элариона скользнула тень улыбки. Я поймала себя на том, что люблюсь им. У него красивые губы — мягкие, чувственные, но сегодня непривычно бледные и... в ранках, словно он до крови кусал их, сидя в темнице в ожидании отъезда.

— Я не голоден.

Вряд ли после приговора его кормили ужином. А аппетита нет из-за переживаний.

— Даже если вы не голодны, поесть все равно нужно. Если вас решат посвятить в смиренные, впереди ритуал очищения: три дня без еды, на одной только воде. Лучше заранее набраться сил.

Эларион помрачнел, зябко поежился и выше поднял воротник плаща. Похоже, ему совсем не хотелось вступать на путь аскезы, полного отречения от земных благ. Три дня голодовки — лишь начало бесконечных, изматывающих лишений.

— Хорошо, — вздохнул он. — Давайте сюда свои пирожки.

— Только они в сундуке.

Я постучала кучеру, чтобы тот остановился. Затем распахнула дверцу и выпрыгнула под дождь, прямо в лужу раскисшей грязи. Инквизиторы тут же направили ко мне своих огромных, страшных жеребцов.

— Все в порядке, — я не смотрела в тень под глубокими капюшонами, опасаясь увидеть там что-то жуткое — череп с горящими глазницами, клубящийся туман вместо лица. Говорят, у тех, кто часто обращается к черной магии, со временем обугливается и сползает кожа.

— Просто хочу кое-что взять из своего сундука.

Меся ногами мокрую землю, я торопливо обошла экипаж. Подоспевший кучер помог мне расстегнуть замки и поднять

тяжелую деревянную крышку. Пирожки лежали сбоку, завернутые в чистую льняную тряпицу. Я схватила их и поспешила обратно, стараясь не дрожать под молчаливыми взглядами королевских магов.

Когда я плюхнулась на диванчик в кузове кареты, то встретила ошеломленный взгляд голубых глаз. Эларион смотрел на меня если не в шоке, то в очень сильном удивлении.

— Что-то не так? — спросила я.

Капля воды стекла с моих волос на лоб и покатилась по переносице до кончика носа. Я отвернулась и украдкой смахнула ее платком.

Эларион покачал головой.

— Не пристало королевской фрейлине мокнуть под дождем в поисках пирожков для опозоренного изгнанника, — произнес он и вдруг улыбнулся, теперь уже по-настоящему — мягко, с горькой ноткой самоиронии.

Ох, мне так хотелось позаботиться о нем, что я совсем забыла про свой высокий статус, да и не было рядом служанки, чтобы отправить ее с поручением.

— Это же не только для вас, ваше выс... гхм... лер. Но и для меня самой. В отличие от некоторых, я очень даже проголодалась.

Я развернула тряпицу и предложила ему угоститься. Белая кисть с тонкими, длинными пальцами потянулась к пирожку. Костяшки были сбиты в кровь. Сердце сжалось. Я

почти увидела, как Эларион обрушивает кулак на каменную стену своей камеры, пытаясь выплеснуть ярость и душевную боль.

Ели без аппетита. Молчали, прислушиваясь к шуму дождя и стуку колес. Смотрели в темное окно. В своем я любовалась отражением Элариона. Вдруг мне на голову капнуло что-то холодное.

Я подняла взгляд. На крыше кареты набухали тяжелые капли.

— Пересядьте на мою сторону, — лениво бросил изгнанник, заметив мою проблему.

Благодарно улыбнувшись, я устроилась на диванчике рядом с ним и ощутила внезапный жар, когда наши плечи соприкоснулись — карета была тесной. На неровной дороге ее сильно трясло, бросая нас друг на друга. Это было почти... почти неприлично, но нашу близость оправдывала ситуация: крыша над моим сидением протекала от дождя.

Не знаю почему, но мне вдруг захотелось спросить Элариона, любил ли он свою стерву-жену. Я знала, что их брак был договорным и что познакомились они лишь на собственной свадьбе, но королева Валеста — красивая женщина, пусть даже ее красота — это красота ядовитой кобры. Мог ли он влюбиться в жену со временем? А сейчас? Остались ли в его сердце какие-то чувства к этой предательнице? Он ведь пока не понимает, как подло она с ним поступила.

Время, должно быть, перевалило за полночь. Меня ука-

чало на тряской дороге, и я сама не заметила, как опустила усталую голову на плечо Элариона.

Глава 5. Мирантия

Еще до того, как открыть глаза, я почувствовала ломоту в спине. При всем при этом голове было удивительно удобно — мягко, как на подушке. Я шевельнулась, медленно выплывая из сна... и лишь тогда, с внезапным, сладким уколом смущения, осознала, что самым бесстыдным образом устроилась на плече своего спутника.

— Простите, лер.

Эларион сдержанно улыбнулся:

— Был рад оказать вам услугу, лера.

Левую щеку — ту самую, которой я только что прижималась к его плечу, — слегка покалывало. То ли от жесткого ворса мужского плаща, то ли от легкого онемения: все-таки на этой щеке я пролежала всю ночь. Я уже отстранилась, но меня до сих пор окутывал теплый, древесный аромат Элариона — запах его волос, его одежды. Он кружил голову, забивал дыхание, никак не желал рассеиваться.

За окнами кареты уже светало. Дождь закончился. Я было подумала вернуться на свой диванчик, но бархатное сиденье напротив потемнело от воды и, казалось, еще долго не просохнет. Почему-то я втайне этому радовалась.

Мой спутник, угрюмый и помятый, молча наблюдал за проплывающим снаружи пейзажем. Мы проезжали какую-то деревню. Вдоль дороги тянулись убогие дома с покосивши-

мися ставнями. По двору бегали грязные мокрые курицы и чумазые ребяташки в лохмотьях. В лужах на обочине отражалась заря.

Я перевела взгляд на Элариона. Сегодня, в бледном утреннем свете, он выглядел еще более изможденным и осунувшимся. Его щеки запали, скулы заострились, неровно остриженные пряди торчали в разные стороны. Видно было, что ночь он провел беспокойно, так и не сомкнув глаз.

Время тянулось медленно, и лишь спустя несколько часов мы остановились у одинокого трактира на обочине. Я с удовольствием выбралась из кареты, чтобы размять гудящие ноги, да и в уборную хотелось уже давно. Можно было, конечно, справить свои дела и в лесу, но скольких людей загрызли медведи, когда они вот так совались в глухую чащу по нужде. Вспомнить хотя бы трагическую гибель графини Альбон, от которой остались только бархатные туфельки в примятой окровавленной траве.

Едва самая насущная проблема была решена, другая тут же дала о себе знать. В пустом животе проснулась болезненная резь. Однако таверна внутри выглядела такой грязной, что еда там не внушала никакого доверия: липкие столы, замызганные подносы, желтые от пятен фартуки подавальщиц. Я решила побереечь свой желудок и выбрала самое безопасное из того, что было предложено — кукурузную лепешку и чай. Но только не мясо, которое могло быть протухшим, и не пирожки с непонятной начинкой.

Эларион последовал моему примеру, а вот инквизиторы-тени заказали себе рагу с крольчатинной. Они устроились рядом с выходом и даже во время трапезы не снимали глубоких капюшонов.

Уже в дороге выяснилось, что мы с Эларионом поступили разумно, а наши конвоиры — неосмотрительно. Из окна кареты я видела, как один из этих мрачных магов то и дело сворачивал с дороги в лес, скрываясь среди раскидистых елей. Было удивительно вдруг осознать, что под зловещими инквизиторскими мантиями скрываются обычные люди, которых так же, как и простых смертных, может подвести желудок. Мой страх перед таинственными колдунами из ордена Безликих слегка притупился.

Следующая остановка была только вечером. К огромному облегчению моих затекших коленей я поняла, что эту ночь проведу не в тряской карете, а на постоялом дворе. После целого дня пути возможность вытянуться в кровати — пусть даже скрипучей, жесткой, с бугристым матрасом и не самым свежим постельным бельем — казалась истинной радостью.

Перед сном мы отужинали в трактире на первом этаже, и в этот раз я дала себе волю, хотя обычно старалась не загружать желудок на ночь. Но местная харчевня разительно отличалась от той дешевой придорожной едадьни, попортившей здоровье нашему конвоиру. Здесь и пальцы не липли к столешнице, и пахло так, что слюнки текли.

Бедняга инквизитор, кстати, не оправился даже к сумер-

кам и сразу же, едва скатившись с седла, поднялся по лестнице в свои покои. Его так очевидно шатало из стороны в сторону, что несведущему он показался бы пьяным. Что касается его напарника, тот не выказывал никаких признаков недомогания и держался как всегда — мрачно и отстраненно.

Все мужчины, не считая кучера — старик устроился на конюшне, — ночевали в одной комнате, а я — в другой. Сон сморил меня раньше, чем я успела оглядеться и в полной мере оценить убогость своих покоев.

И хотя постоялая кровать была ужасной, проснувшись я отдохнувшей и полной сил, с ясной головой и без ломоты во всем теле. Готовая к новому дню пути, я быстро оделась, умылась в тазу с холодной водой и спустилась во двор, где меня уже ждал экипаж.

Утро выдалось свежим, с тонким запахом влажной земли и конского пота. Я залезла в кузов, привычно устроилась рядом с Эларионом и только тогда заметила странность: карета уже собиралась тронуться, а второго инквизитора нигде не было.

— Мы продолжим путь без моего собрата, — раздался глухой голос из-под капюшона, и я вздрогнула — настолько не ожидала услышать ответ на свою невысказанную мысль.

— Неужели ему так худо? — спросила я, прильнув к окну.

— Он присоединится к нам, как только будет в состоянии, — нехотя, после недолгой паузы ответил инквизитор-тени.

Мне вдруг стало страшно за безликого страдальца. В наших краях нередко умирали от отравлений, а я владела целительским даром и могла ему помочь. С этой мыслью я решительно распахнула дверцу и выбралась наружу.

Королевский маг что-то говорил, но я уже поднималась на крыльцо постоянного двора.

Скрипучая входная дверь, сумрачный холл, винтовая лестница на второй этаж. Нужная спальня.

Второй инквизитор лежал на постели, накрытый до пояса одеялом. Черная дорожная мантия висела на спинке стула. Капюшон больше не прятал его лицо. Я подошла ближе — и невольно вскрикнула от увиденного.

Глава 6. Мирантия

Нет, взгляду моему открылся не оголенный череп с глазницами, горящими зловещим потусторонним светом, и не лик призрака с туманными чертами. На постели лежал самый обычный человек — на удивление очень молодой, почти юный. Казалось, он совсем недавно покинул стены Цитадели, где готовят будущих инквизиторов.

Темноволосый парень — худощавый, даже красивый. Но разглядеть эту красоту было нелегко, ведь его лицо сплошь покрывал узор татуировок. Паутина из ломаных линий и таинственных символов начиналась на лбу, у самой границы роста волос, сползала по щекам и сходилась на подбородке, будто стянутая в узел. Но сильнее всего меня поразили губы: короткие вертикальные штрихи на них выглядели как грубые стежки нити, зашившей рот.

Из-под этой маски, нарисованной поверх кожи, на меня смотрели затуманенные жаром серые глаза. Беднягу лихорадило. На его татуированном лице блестели капли пота, а дыхание было тяжелым и неровным. Один в этой затхлой комнате, брошенный без помощи, он бы вряд ли смог присоединиться к нам позже, как уверял его напарник. Он бы уже ни к кому не присоединился. Никогда.

Я устроилась на кровати рядом с больным и со вздохом опустила руку на его лоб — обжигающе горячий.

Никто в Даэлморе не знал истинную силу моего целительского дара. Я скрывала ее ото всех, потому что один из законов королевства мог сломать мою жизнь.

Третья заповедь Аскезы гласила, что целитель пятого, высшего, уровня должен полностью, без остатка посвятить себя служению другим. Жить при храме. Не иметь ни семьи, ни детей, никаких личных вещей, кроме мыла и зубной палочки. Ему запрещено думать о себе. Его путь — путь самоотречения и бескорыстной помощи.

Но, спасая чужие жизни, мы тратим собственное здоровье и укорачиваем свой век. К тридцати годам высшие целители выглядят стариками, а к сорока их уже заворачивают в саван. Они жертвуют собой и умирают молодыми.

Я к этому не готова. В свое время отец помог мне обмануть волшебный кристалл, который выявляет уровень магии, и теперь для всех я — лекарка первого уровня, не способная вылечить ничего серьезнее насморка.

Лихорадка отступила. С каждой секундой лоб под моей ладонью становился все более влажным и прохладным. Дыхание больного выровнялось, взгляд прояснился. Этот мужчина, молодой парень, так пугавший меня поначалу своим глубоким инквизиторским капюшоном, смотрел мне в глаза с тихой благодарностью.

— Да хранит вас Свет, лера... — хрипло прошептал он. — Отныне я ваш должник.

Я улыбнулась ему, больше не чувствуя и тени бывшего стра-

ха.

Спустя несколько минут спасенный мной мужчина окончательно пришел в себя, смог встать на ноги, и мы вместе спустились во двор, где скучали наши спутники. Инквизитор, который хотел бросить своего напарника, уставился на нас, как мне показалось, с изумлением. Хотя я могла и ошибаться, ведь его лицо привычно пряталось в тени.

— Тучи на горизонте совсем сгустились, — произнес он глухим, мертвенным голосом, которому мог бы позавидовать злой дух. — Надо поторопиться. Монастырь Великой Аскезы стоит на горе, и к нему ведет одна-единственная дорога. Когда ее размывает дождем, ни один экипаж не может проехать. Чтобы вам не пришлось месить грязь ногами, прошу, лера, садитесь в карету. Пожалейте свои красивые туфельки.

Я подняла взгляд к небу. Впереди оно и правда было черным-пречерным. И путь наш лежал прямо в эту зловещую черноту, в самое сердце поднимающейся бури.

И хотя на мне были вовсе не тонкие летние туфельки, а добротные кожаные ботинки, я все же поспешила занять свое место в экипаже.

К моему удивлению, темноволосый инквизитор опередил меня и галантно распахнул передо мной дверцу. Я даже опешила. Никогда не видела, чтобы маги из ордена Безликих проявляли подобную предупредительность.

Челюсть моя едва не упала, когда он, ко всему прочему,

подал мне руку в красной перчатке, помогая подняться по ступенькам. А потом, когда я уже уселась, аккуратно поправил мои длинные юбки, чтобы их не прищемило дверцей.

— Что вы с ним сделали? — с усмешкой спросил Эларион, когда экипаж тронулся с места. — Кажется, вы испортили слугу Тени.

Я вспомнила молодое лицо, затянутое татуировками, и подумала, что в этом возрасте юноши обычно ищут любви. Но для колдунов из ордена Безликих единственное дозволенное чувство — это чувство долга.

Всю оставшуюся дорогу молодой инквизитор ехал рядом с моим окном, но мне уже было не до него. Всякий раз, исцелив кого-то, я расплачивалась за это болью и слабостью. Вот и сейчас виски ломило так, что темнело в глазах. Каждый толчок кареты отдавался в голове вспышкой сильнейшей мигрени.

Поднялся ветер. Дождь забарабанил по крыше, и вскоре на соседний диванчик снова начало капать. Карета медленно карабкалась в гору. Колеса вязли, лошади хрипели, и в этих звуках отчетливо слышалось, как тяжело дается им подъем. Кучер подгонял животных короткими, рубленными выкриками. Раз за разом свистела плеть на фоне грозы.

Последние метры до монастыря Эларион сидел, уставившись перед собой застывшим, неживым взглядом.

Меня уже начало мутить, когда из темноты выплыла суровая каменная громада. Массивные стены. Утопленные в них

узкие окна-бойницы. Высокие мрачные башни с треугольными крышами. За воротами — кладбище с мокрыми надгробьями, вспыхивающими в свете молний.

Это место выглядело как тюрьма.

Глава 7. Эларион

Последние дни он был как в тумане. Словно застрял внутри кошмарного сна, каждую секунду надеясь на спасительное пробуждение. Но оно не наступало. Он захлебывался в помоях своей новой реальности и не мог поверить, что это теперь его жизнь, что отныне она выглядит именно так.

Рухнуть с вершины на самое дно...

Еще недавно перед ним лебезили, ему с почтением кланялись, вежливо улыбались, а сегодня эти же люди зубоскалят над его падением, смакуют подробности его позора, радуются тому, что он унижен. Проклятые лицемеры.

Ему захотелось изо всех сил ударить кулаком по дверце кареты, которая везла его в монастырь, но он уже и так отбил все руки в темнице. Костяшки пальцев до сих пор саднили, когда невольно терлись о грубую ткань рукавов плаща.

Большую часть дороги Эларион думал о своей жене. Как могла она поверить в столь гнусную клевету? И даже слова не позволила сказать в свое оправдание. Вместо того чтобы прийти к нему и поговорить наедине, она прислала в его покои стражников с мечами. Его, изможденного, не спавшего двое суток, выдернули прямо из постели — он едва успел натянуть на себя штаны. Растрепанного, босого притащили в холодный зал, набитый падальщиками, уже предвкушающими кровь.

И там, на суде, Валеста слушала не его, а эту лживую девушку, которую он впервые в жизни видел. Найти бы того, кто ей заплатил, и свернуть его поганую шею!

Эларион раздраженно передернул плечами.

Их браку с Валестой уже двенадцать лет. Неужели за все эти годы она так и не узнала собственного супруга, не поняла, что он не способен надругаться над беззащитной девой?

Да, виделись они нечасто, общались мало — большую часть времени Эларион проводил в военных походах. Но он был верен своей жене, старался быть для нее хорошим мужем. Даже когда лекари запретили Валесте любовную близость, он покорно терпел лишения вместе с ней, а не бежал задираТЬ юбки на служанках. Нельзя — значит нельзя. Значит, он будет обходиться малым, умирять желания плоти, терпеливо ждать, пока здоровье супруги поправится и она сможет его порадовать. В конце концов, он не калека безрукий. Каждый мужчина знает, как снять напряжение, когда под боком нет теплых женских прелестей.

Втайне Эларион надеялся, что лечение Валесты связано с желанием стать матерью, и однажды она подарит ему малыша.

«Уже не подарит», — мрачно подумал он, потирая черную метку на запястье — ту, что исключала для него любую возможность побега.

Нет. Он не смирится. Сбежит — найдет способ. Заставит Валесту его выслушать. Откроет ей глаза. Вернет себе честь

и достоинство. Снова вскарабкается на самый верх, даже если сейчас будущее кажется безнадежным.

Он выглянул в окно: черные тени инквизиторов маячили рядом, сливаясь с дождливым мраком. Пока эти стервятники держатся поблизости, ничего не выйдет. Придется попытать удачи уже в монастыре, когда сильнейшие маги королевства вернутся во дворец. Стены штольской обители его не удержат. Его не удержит и вся армия Даэлмора, стоит лишь избавиться от ненавистной зачарованной печати. Будь он проклят, если позволит превратить себя в смирна.

Когда сквозь завесу дождя проступили очертания зубчатых монастырских стен, Эларион ощутил ледяную дрожь, ползущую вниз по позвоночнику. Вот оно — место, где его собираются похоронить заживо. Могила для его молодости.

На высокой караульной башне, освещенной огнями, мелькнул темный силуэт. Путников заметили. Дозорный ударил в колокол, и по окрестностям разнесся гулкий, металлически-дребезжащий звон. Двойные, скрипящие ворота в крепостной стене разомкнулись ровно настолько, чтобы пропустить карету. Тяжело покачиваясь, экипаж въехал во двор.

Стоило вылезти наружу, как ноги по щиколотку ушли в размокшую землю. Краем глаза Эларион заметил, как его спутница запоздало подбирает юбки и что ее подол весь в грязи.

«Итак, я здесь», — с этой мыслью он поднял взгляд на

темные окна-щели, усыпавшие главный фасад. Безмолвная громада монастыря нависала над ним, готовая раздавить.

Все вокруг казалось нереальным, будто бесконечным продолжением одного и того же затянувшегося сна.

Этот грязный двор.

Этот нестихающий дождь.

Эти люди, степенно идущие им навстречу.

Смирны.

При взгляде на них Элариона охватило глубокое чувство отторжения. На незнакомцах были длинные балахоны из грубой коричневой ткани, перехваченные бечевкой. Мужчины не пытались укрыться от ливня, позволяя воде стекать по лицу, словно принимали непогоду как наказание. Эларион не мог представить себя одним из них — такой же молчаливой, безликой тенью.

— Приказом королевы мы привезли вам насильника и прелюбодея, — громко объявил инквизитор, сидя на лошади.

Эларион поморщился и сжал кулаки.

Какое унижение!

Вот кто он теперь для всех. Насильник. Прелюбодей.

Ему захотелось защитить себя, закричать, что это ложь, подлая клевета, но... кто ему поверит? Приговор уже вынесен. То, что о нем говорят, важнее правды.

Один из смирных — низкий и худой — посмотрел на Элариона с презрением, так, словно тот был отбросом общества.

Второй — повыше и поплотнее — с оскорбительным любопытством, будто жаждал услышать все сочные, грязные подробности.

Ни тот, ни другой не сказали ни слова — молча поманили нежданных гостей за собой в монастырь.

И едва они переступили порог, их настиг крик боли, принесенный эхом из глубин мрачных коридоров.

Эларион остановился.

— Что это? — вздрогнула Мирантия, главная фрейлина его жены и ее двоюродная сестра.

Худой, невысокий смирен повернулся к ней и объяснил спокойно, даже равнодушно:

— Этой ночью наш брат Артис оступился. И сейчас старший благочестий* помогает ему искупить свой грех.

Как только он договорил, крик раздался опять — пронзительный, ледящий душу. От этого звука кровь стыла в жилах.

— Но что... что с ним делают? — пробормотала Мирантия, прижимая ладонь к груди. — Почему он так... так кричит? За какой проступок его столь жестоко наказывают?

Элариону тоже было очень интересно это узнать. Он внимательно посмотрел на смирен.

— Это не наказание, — возразил тот. — А благо. Мы помогаем нашему брату бороться с искушениями. Плоть слаба. Так легко встать на путь порока. Наш долг — быть рядом: направлять, наставлять, оберегать.

— Не понимаю, — нахмурилась Мирантия.

Эларион тоже не до конца понимал, о чем говорит этот фанатик, но уже начинал догадываться.

— Брат Артис рукоблудил в помывальной, — с глумливой ухмылкой бросил другой смиРН, тот самый, что недавно разглядывал Элариона с неприятным любопытством. — Было поздно. Он думал, что никто не прознает о его грехе. Но его поймали.

— Руко... — Мирантия захлопала глазами.

Тут до нее дошло, и она покраснела, опутив взгляд.

Они двинулись дальше — к узкой винтовой лестнице за колоннами. В голове Элариона бесконечно крутилась одна и та же мысль: «Бежать, бежать, бежать». За спиной тяжело звучали шаги инквизиторов. Он безотчетно потер черную магическую метку на своем запястье.

— Куда вы нас ведете? — спросила Мирантия.

— В кабинет настоятеля, — ответил их провожатый.

Спустя несколько минут они поднялись достаточно высоко, чтобы крики оступившегося брата Артиса больше не доносились до них, а еще через некоторое время остановились напротив массивной двери с арочным сводом.

Худой смиРН вошел первым, чтобы доложить о гостях, затем вернулся в коридор за своими спутниками.

Комната, куда их пригласили, кричала о роскоши, словно находилась в королевском дворце, а не в стенах мужского монастыря. Тяжелый стол из драгоценных пород дерева. Бар-

хатное кресло, достойное задницы монарха. Высокие шкафы с книгами в дорогих обложках из телячьей кожи.

Хозяин кабинета — упитанный, цветущий мужчина — ничем не напоминал адепта Аскезы, избравшего путь лишения. Его круглые красные щеки говорили о том, что он каждый день хорошо и обильно кушает. Вместо балахона из грубой коричневой мешковины на нем была алая атласная мантия, приятная телу. На жирных коротких пальцах блестели кольца с рубинами и алмазами.

— Ваша Скромность, я унесу грязную посуду?

Помимо настоятеля, в комнате находилась красивая белокурая девушка в традиционном наряде прислуги. Сейчас, с позволения хозяина, она убирала со стола тарелки с куриными костями и остатками пирога.

Эларион вскинул брови, удивленный присутствием женщины в закрытом мужском монастыре. И это была не какая-то чопорная старая дама с давно высохшими прелестями, а пышущая здоровьем молодая особа, чье платье буквально трещало на груди.

Мирантия смотрела на нее во все глаза, тоже обескураженная увиденным.

— Ступай, Элла, — небрежно взмахнул рукой настоятель и проводил девицу масляным взглядом. Когда за служанкой закрылась дверь, он наконец удостоил гостей своим вниманием. — Так-так... чем обязан? Вас прислала королева?

Мирантия вышла вперед и положила ему на стол белый

конверт с королевской печатью.

— Ваша Скрамность, Ее Величество передала вам письмо.

Настоятель нахмурился и потянулся к письму с некоторой опаской, словно боялся того, что могло оказаться внутри.

Эларион прищурился.

Письмо от Валесты? Что там?

Он невольно шагнул к столу, но рука в алой перчатке преградила ему путь. Тогда он жадно впился взглядом в лицо настоятеля, читающего послание. Тот водил головой, следуя за чернильными строчками, и все ближе сдвигал кустистые брови к переносице. В какой-то момент раскрытое письмо едва заметно дрогнуло в его руках.

благочестий* — духовный наставник, следящий за порядком в монастыре, за соблюдением заповедей Аскезы и совершающий наказание над провинившимися смиренными.

Глава 8. Эларион

Закончив чтение, настоятель что-то хмыкнул себе поднос, смял бумагу и спрятал ее в верхнем ящике стола.

— Лера... — он запнулся, глядя на королевскую фрейлину.

— Мирантия, — подсказала та свое имя.

— Лера Мирантия, приглашаю вас провести эту ночь в нашей скромной обители, а тронуться в путь уже с наступлением утра. Время позднее. Непогода. Вы, вероятно, утомились с дороги и голодны. Я распоряжусь приготовить для вас свободную келью и подать ужин. Питаемся мы, конечно, скромно...

Эларион усмехнулся, вспомнив горы куриных костей, что уносила служанка из кабинета настоятеля.

— Пища у нас простая. Нет изысков, как в королевском дворце. Но гостям мы подаем лучшее, что у нас есть. Даже если вам не терпится вернуться домой, такую грозу лучше переждать под крышей.

Его толстые губы растянулись в скользкой улыбке, а в тройном стрельчатом окне за спиной сверкнула молния.

— С удовольствием приму ваше приглашение, — ответила Мирантия и почему-то посмотрела на Элариона. Встретив его взгляд, она торопливо отвернулась.

— Очень хорошо, — настоятель сложил руки на объем-

ном животе, обтянутом алой мантией. — Тогда брат Аурэлий поможет вам устроиться. А я пока объясню своему новому подопечному правила монастыря.

Теперь он обратил свою змеиную улыбку к бывшему лорду-консорту.

Элариона вдруг захлестнула необъяснимая злость. Вспышка была настолько сильной, что он едва сохранил лицо.

Несколько секунд Мирантия колебалась, косясь на своего спутника, затем сухо кивнула и позволила смиру проводить себя до двери. Оба инквизитора остались в комнате, но молчаливые и неподвижные напоминали тени.

— Кто бы мог подумать... Сам лорд-консорт, — протянул настоятель приторно-сладким тоном. Его маленькие, заплывшие жиром глазки смотрели цепко и холодно. — Самый знатный, самый влиятельный муж королевства рухнул с высоты своего величия прямо к моим ногам.

Эларион стиснул зубы.

Его скромность облизнулся.

— И теперь в полной моей власти. Бесправный. Беззащитный. Лишенный и своего богатства, и своего громкого титула. Но не волнуйся, сынок, ты в правильных руках. Я наставлю тебя на путь истинный. Через три дня ты окончательно забудешь, кем был раньше, и начнешь новую жизнь, полную смирения и духовной чистоты.

Эларион продолжал сжимать челюсти и повторял про се-

бя, снова и снова: «Я здесь не останусь. Я найду способ бежать. Найду, найду, найду».

— Прежде всего тебе надо переодеться, — грузной, неуклюжей походкой настоятель подошел к шкафу и достал оттуда какую-то тряпку грязно-коричневого цвета. — Это одеяние смирна. Посмотри, какое оно колючее.

И он провел этой тряпкой по щеке Элариона. Тот от неожиданности не успел увернуться, и ткань царапнула кожу, жесткая, словно пемза.

— Неприятно, правда? Его надевают на голое тело, чтобы целыми днями оно кололо и жалило плоть и так приучало смирна к первым тяготам. Ведь путь Аскезы — это путь постоянных страданий, которые проявляются даже в таких мелочах, как то, что ты носишь на себе каждый день.

Элариона уже подташнивало от садистской улыбки этого благочестивого лицемера. На поле боя бы его, к огненным гарпиям. Пусть им вещает о смирении.

Не подозревая о его мыслях, настоятель любовно погладил тряпку в своих руках.

— Ты не знаешь, но такое одеяние готовит своему хозяину один маленький сюрприз. Да-да, сюрприз. Но об этом сюрпризе человек узнает только спустя несколько дней носки.

Он злорадно хихикнул и убрал балахон обратно в шкаф. Затем достал оттуда новую вещь — короткую плетъ из грубой пеньки с несколькими тугими узелками на конце.

— А это тебе для усмирения плоти. Запомни. У хороше-

го смирна между ног всегда мягко. Всегда. Даже по утрам. Любое шевеление срамного отростка надо пресекать на корню. Хлестать себя по спине и плечам, пока похотливые мысли не уйдут из головы. А если не помогает, то и по самому источнику искушения не жалеть себя ударить. Хлестнуть разок-другой там — и проблема решена.

— На себе проверили, ваша скромность? — ядовито спросил Эларион. — Наверное, хлещете себя без устали. С такой-то хорошенькой служанкой рядом.

Хищные глазки настоятеля вспыхнули недобрым огнем. Казалось, он сейчас замахнется и ударит насмешника по лицу. Но ничего не произошло. Наверное, от расправы его удержало присутствие свидетелей.

— Не забывайся, — прошипел его скромность, щедро брызжа слюной. — Ты больше не лорд-консорт. Никто. Изменник. Отброс. Твоя никчемная судьба отныне в моих руках. Станешь дерзить, твой длинный язык здесь быстро укоротят.

Очередная колкость рвалась наружу, но Эларион заставил себя промолчать. Нет смысла лезть на рожон — надо действовать тоньше, хитрее.

Настоятель удовлетворенно кивнул, решив, что сумел его запугать.

— Отведи его в комнату испытаний, — бросил он высокому смирну, оставшемуся в кабинете. — Я собирался приступить к ритуалу очищения утром, после завтрака. Но пе-

редумал. Мы начнем сегодня.

Адепт кивнул и двинулся к Элариону.

— На путь Аскезы вступают добровольно, — скрестил тот руки на груди. — А я не давал своего согласия.

— Плевать я хотел на твое согласие, — процедил его скромность.

— У вас есть выбор, — вдруг раздался голос из-под глубокого черного капюшона. — Перед отъездом ее величество королева Валеста распорядилась: если вы откажетесь принять постриг, отправить вас на Ледяной остров. На каторгу.

Глава 9. Мирантия

Брат Аурэлий вел меня по монастырским коридорам. Было слышно, как снаружи грохочет гроза и остервенелый ливень хлещет по стенам. Я была рада переждать эту ночь под крышей. После двух дней почти непрерывного пути мои колени превратились в сгустки ноющей боли. Ужасно не хотелось снова лезть в карету и куда-то ехать.

Но была и другая причина отсрочить отъезд. Тайная. Та, в которой я не желала признаваться даже самой себе. Причина, что вставала передо мной всякий раз, когда я закрывала глаза и отдавалась свободному течению мыслей.

— А это очень тяжело — быть смиренным? — спросила я, думая об Эларионе.

На скулах моего провожатого заходили мышцы.

— Мы черпаем радость в тех испытаниях, через которые проходим каждый день. В мысли о том, что так, через боль и лишения очищаем свои души.

Мне показалось, что брат Аурэлий говорит заученными фразами или пытается убедить самого себя. Было видно, что его тяготят мои расспросы, поэтому дальше мы пошли молча.

Несколько раз нам встречались смиренные. Некоторые глазели на меня, как на чудо. Другие торопливо отводили взгляды, словно боялись поддаться греховным мыслям.

— В это крыло мне нельзя, — сказал брат Аурэлий, когда узкий каменный коридор свернул за угол. — Свободная келья в тупике. Двери не запираются. Но не волнуйтесь, никто вас не потревожит.

Я поблагодарила своего провожатого и продолжила путь в одиночестве. В конце коридора меня встретили две совершенно одинаковые двери. Толкнув правую, я переступила порог — и застыла в удивлении.

Не так я представляла себе монастырскую келью. Единственное, что совпало с моими ожиданиями, — теснота и крошечное окно, скорее предназначенное для доступа воздуха, нежели света.

Кровать была узкая, с простым деревянным изголовьем, но накрывал ее роскошный пушистый плед из шерсти альвара* — позволить себе такую вещь могли только по-настоящему богатые люди. Холодный каменный пол был застелен толстым ковром с растительными узорами. Половину комнаты занимал резной шкаф. Я открыла его из любопытства и увидела ворох разноцветных платьев на вешалках. Парча, шелк, кружево.

Когда мой взгляд зацепился за нижнюю сорочку в рюшах — прозрачную и вопиюще бесстыдную — позади раздался недовольный женский голос.

— Это моя комната.

В дверях стояла пышногрудая служанка его скромности. Ее губы капризно кривились, на лице застыло враждебное

выражение. Но через секунду девица вспомнила, что говорит с высокородной лерой, и проглотила свою спесь.

— Простите, лера. Это комната моя. Ваша — та, что напротив.

Она опустила взгляд, изображая фальшивое почтение.

Я молча пересекла коридор и толкнула дверь уже своей кельи.

Голый каменный пол. На кровати — бугристый соломенный тюфяк и тонкая полотняная тряпка в качестве покрывала. Вместо шкафа — обшарпанная тумба с отломанной ручкой.

— Я принесла вам ужин, лера.

Только сейчас я обратила внимание, что в руках у служанки поднос с едой. Девица мялась на пороге, явно чувствуя себя не в своей тарелке. Будь на моем месте королева Валеста или любая из ее фрейлин, стены монастыря уже содрогались бы от чудовищного скандала. Но я не любила конфликты и слишком устала с дороги, чтобы тратить душевные силы на ругань.

Когда я, ничего не сказав, опустилась на свою убогую постель (та еще и поскрипывала от малейшего движения), служанка едва заметно выдохнула.

Но ее облегчение было поспешным. Прямо сейчас я размышляла о том, как обернуть это крамольное открытие во благо Элариона. Будет ли настоятель мягче обходиться с новым смиренным, зная, что его грешки могут всплыть перед

Высшим орденом Аскезы в самый неудобный момент?

— Кухня уже закрыта. Это то, что осталось с ужина, — голос служанки вернул мои мысли к еде.

Передо мной на подносе стояли две миски и щербатая глиняная кружка. Трещина на ее боку напоминала кривую ухмылку придворного шута. В одной миске было что-то серое, водянистое, похожее на застывшую овсянку, в другой — половинка вареного яйца, аккуратно очищенного и разрезанного. В кружке, судя по запаху, — травяной чай.

Я взяла ложку — деревянную, неудобную — и отправила в рот первую порцию каши. Только взгляд служанки и безупречное воспитание удержали меня от того, чтобы не выплюнуть эту отвратительную массу обратно в тарелку. Местнаястряпня напоминала помои. Сильно пересоленная, с какими-то непонятными комками. Из достоинств — лишь то, что ее подогрели.

Служанка, похоже, уловила мои эмоции, ибо сразу же пояснила:

— У нас по правилам Аскезы смирны не должны получать удовольствие от еды. Поэтому наш кухарь, брат Иларий, старается готовить... невкусно. Ну, чтобы даже самый голодный не наслаждался трапезой. — Она хихикнула и добавила: — А знаете, какую умность придумал его скромность? Два месяца пересаливать все подряд, а потом, когда вкус у адептов притупится, два месяца — не солить вовсе. Только смирны привыкнут к соленой пище, а тут — бац, и пресно. Мозгови-

тый наш настоятель. Печется о своих воспитанниках, чтобы никто из них не сошел с пути Аскезы.

Наверное, я попала на месяц пересоленной еды.

— А что же его скромность? — я отставила от себя тарелку с омерзительной кашей. — Ест то же, что и остальные?

Служанка захлопала глазами, явно почувствовав в моем вопросе подвох.

— А-а-а... э-э-э... — протянула она и поспешила ретироваться в свою комнату. — Приятного аппетита, лера. Пойду я. Грязную посуду оставьте под дверью. Отхожее место, если понадобится, этажом ниже, возле лестницы.

И вот ее уже и след простыл.

Хмыкнув, я взяла в руку половинку яйца. Уж его-то сложно было чем-то испортить. Так я думала, пока не попробовала. Яйцо оказалось щедро посыпано солью.

Неудивительно, что к кружке с чаем я тянулась уже с изрядной долей опаски, но в этот раз все обошлось. Напиток был вполне себе сносным: едва теплый, сильно разбавленный, с легким запахом мяты и яркой горчинкой.

Я сделала пару осторожных глотков и ощутила знакомые позывы, которые нельзя было игнорировать. Хорошо, что служанка упомянула, где искать отхожее место.

Вздохнув, я встала и направилась к двери. Очень не хотелось бродить ночью по незнакомой крепости, но выбора не было.

Под отдаленный грохот грозы я дошла до лестницы и уже

начала спускаться по ступенькам, когда услышала это...

Шорох, похожий на возню. Звуки приглушенной борьбы.
Голос. Мужской. Знакомый.

Эларион.

Альвар* — крупное рогатое животное с длинной, мягкой шерстью перламутрового оттенка. Его густой подшерсток сохраняет тепло даже в сильный холод, поэтому шерсть ценится выше большинства тканей. Альвары живут небольшими стадами и линяют всего раз в год, что делает их шерсть редкой и дорогой.

Глава 10. Эларион

Каторга. На ледяном острове. Одна только мысль о ней — и в кожу вгрызались иголки фантомного холода. Жалкий клочок суши посреди океана за полярным кругом — пустынный, продуваемый яростными ветрами, промерзший насквозь. Самых опасных заключенных свозили туда, чтобы добывать редкий камень, залегающий глубоко подо льдом.

Жили каторжники в огромном бараке с одной маленькой печкой, которая едва грела, но не давала замерзнуть насмерть. И все равно за время работы каждый второй лишался пальцев на руках и ногах: перчатки были тонкие, ботинки — хлипкие и не спасали от лютой стужи.

Кирки и кайла ломались, не выдерживая суровых условий. Люди ломались еще чаще — проваливались под лед, умирали от болезней, теряли конечности, сходили с ума.

Единственный способ сбежать из этой островной тюрьмы — вплавь преодолеть Великий Северный океан: тысячи километров воды, смешанной с ледяной крошкой.

Выбраться из монастыря будет проще. Особенно когда инквизиторы уедут, а он найдет способ стереть с запястья зачарованную метку.

— Хорошо, — сказал Эларион, наступая себе на горло. — Я приму постриг.

Бывшая жена поставила его в безвыходное положение.

Узкие, заплывшие жиром глаза настоятеля зажглись зло-
радным предвкушением.

— Разоблачите его! — воскликнул он, откровенно насла-
ждаясь своей победой.

Эларион грубо оттолкнул потянувшуюся к нему руку в
алой перчатке.

— Не смейте прикасаться ко мне. Я сам переоденусь в мо-
настырскую робу.

Его скромность хищно оскалился:

— Э-э нет, робу смирна надо заслужить. А до тех пор ты,
бывший лорд-консорт, будешь ходить таким, каким явился
на этот свет.

И по его знаку инквизиторы принялись срывать с Элари-
она одежду.

Он рычал и дергался, но недолго — вскоре магия безли-
ких заставила его замереть на месте. Две пары рук быстро
избавили строптивца от лишних вещей, и сырой монастыр-
ский воздух укусил холодом обнаженную кожу.

Плащ Элариона, его рубаха и штаны валялись на полу у
ног ухмыляющегося настоятеля.

Как же это унизительно — стоять голым среди одетых лю-
дей.

Его скромность улыбнулся еще шире и дорогими кожаны-
ми туфлями наступил на сорванный плащ.

— В комнату испытаний его. Под замок.

Элариона схватили и потащили к двери, затем сверка-

ющего срамом — по темным коридорам и лестницам. По дороге им встречались смиренные. Они пялились, оборачивались, провожали его взглядами. Щеки горели от стыда. Этот позорный путь казался бесконечным, но вот перед лицом Элариона распахнулась тяжелая железная дверь, и его грубо втолкнули в тесную келью. Он рухнул на колени и локти, поднялся и бросился к выходу, но замок уже лязгнул, и раздались удаляющиеся шаги. Он остался один, в полумраке, голый, в промозглом холоде. Стылый каменный пол жег босые ступни. Ноздри забивал запах сырости.

В этой комнате он должен провести трое суток — без одежды, без постели, без еды. В молитвах и покаянии.

Эларион огляделся. В темноте угадывалось большое жестяное ведро — видимо, для оправления нужд. С крюка на стене свисала узловатая плеть, похожая на ту, что ему показывал ублюдок настоятель. Под самым потолком чернело крошечное окошко, откуда в камеру проникал скупой лунный свет, но в такую щель и голова бы не пролезла.

Эларион поежился от холода. Он провел здесь всего несколько минут, а его уже знобило. Спасая босые ступни, он переступал с ноги на ногу — стоял на одной, пока другую грел, потом менял их. О том, чтобы сесть на ледяной камень, не шло и речи — все мужское застудит, а лечить некому.

«Горячего бы чая сейчас», — подумал он, согревая дыханием озябшие пальцы и представляя, как кутается в шерстяной плед или хотя бы в свой плащ, оставшийся на полу чу-

жого кабинета.

Он не знал, как выдержать три дня в этом кошмаре. Тут же нет даже жесткой лавки, прикрученной к стене. Даже охапки гнилой соломы, чтобы прилечь. Глухой каменный мешок. Лишь маленькое окошко в двери связывало узника с внешним миром.

Эларион рванул к нему, сжал в кулаках прутья решетки и выкрикнул:

— Мрази!

И тут же услышал знакомый голос:

— Лер Эларион?

Мирантия.

Глава 11. Мирантия

Я медленно, стараясь не шуметь, спустилась по лестнице — и с коротким вздохом зажала ладонью рот.

Мимо меня проволочки лера Элариона. Он яростно сопротивлялся и был... полностью голым.

Я сперва даже не поверила глазам. Голый. Ни клочка одежды. Взгляд невольно скользнул по белым обнаженным рельефам, но я сразу же заставила себя отвернуться.

Не пялся. Не смотри ниже пояса. Поставь себя на его место: что бы ты почувствовала, если бы на тебя, нагую и беззащитную, кто-то глазел?

Но куда его тащат — да еще в таком виде?

Я решила осторожно проследить за инквизиторами — и вскоре увидела, как лера Элариона втолкнули в какую-то келью и с грохотом захлопнули за ним дверь.

Наверное, так выглядит ритуал очищения. Но что все-таки за дикая и нелепая традиция! Зачем раздевать будущего смирна?

Дождавшись, когда шаги безликих магов растают в глубине коридоров, я выскользнула из своего убежища и подбежала к нужной двери. В ней было маленькое зарешеченное окошко, и за железными прутьями маячило бледное разгневанное лицо.

— Мрази! — закричал узник.

В его голосе звенела такая свирепая ярость, что я на мгновение застыла, не решаясь выдать свое присутствие.

— Лер Эларион?

— Мирантия?

Мне было мучительно неловко от мысли, что там, за дверью, он стоит совершенно голый, и вместе с тем во мне кипело злое негодование: как эти нелюди могли так с ним поступить!

— Что вы здесь делаете, лера?

Его тонкие длинные пальцы со сбитыми костяшками сжимали прутья решетки. Пальцы музыканта, а не воина — хотя в бою эльфийскому генералу не было равных.

— Я слышала крики и увидела, как вас...

Слова замерли на губах. Эларион стиснул зубы. Похоже, мы оба подумали об одном и том же: я стала невольной свидетельницей его позора.

— Вам не место здесь, лера.

— И вам здесь не место, лер! — воскликнула я — и вдруг поняла, что в его камере ужасно холодно. Из маленького окошка в двери заметно дуло.

А он там совсем без одежды. И босой! Три дня в таких условиях ощутимо подорвут его здоровье.

Завтра утром мне придется уехать, но сегодня я еще могу хотя бы чем-то ему помочь. Однако сделать это необходимо так, чтобы не оскорбить его достоинство, ведь мужчины — редкие гордецы и не приемлют чужой жалости.

— Лер, вы не будете возражать, если я принесу вам горячего чая? Вам нужно согреться, чтобы пережить это испытание.

Светлые брови Элариона взлетели вверх. Его взгляд стал... странным. Точно так же он смотрел на меня в карете, когда я угостила его пирожками с курятиной, вымокнув ради этого под дождем.

— Не стоит утруждать себя, лера, — сказал он словно бы нехотя, но в глазах вспыхнуло чувство, очень похожее на жадность. Было видно, что в этой промозглой сырости ему отчаянно хочется выпить чего-нибудь горячего.

— Нет, лер, не спорьте. Чай вам сейчас просто необходим. Я отправлюсь за ним немедленно, а вы... смотрите, никуда не уходите.

Я улыбнулась, добавив в свой тон немного игривости.

— Куда же я уйду, лера, — усмехнулся Эларион в ответ на эту маленькую шутку.

Его усталое, изможденное лицо будто прояснилось, а во взгляде отразилось предвкушение. Уже отворачиваясь, чтобы уйти, я заметила, что его зубы стучат от холода.

Бедняга. Надо поторопиться.

Не теряя времени, я быстро зашагала в сторону лестницы. Придется поднять служанку настоятеля на ноги и заставить поработать, несмотря на поздний час.

Сперва я посетила уборную, как и собиралась, затем решительно забарабанила в дверь комнаты, что располагалась

прямо напротив моих покоев. Видимо, девица крепко спала, ибо стучать пришлось долго. Наконец раздались тихие шаркающие шаги, и на пороге возникла растрепанная служанка — кажется, ее звали Элла.

— Чего вам, лера? — она широко зевнула, прикрыв рот в последний момент, когда уже успела продемонстрировать мне все свои неидеальные зубы.

— Сира, сделайте мне горячего чая. Очень горячего, а не едва теплого. И добавьте две ложки сахара.

Леру Элариону как никогда нужны силы.

Служанка сонно заморгала:

— Сейчас, что ли?

— Да, сейчас. Думаю, его скромность объяснил вам, что желания высокородных гостей следует исполнять беспрекословно и сию же секунду.

Кажется, девица начала понимать, с кем разговаривает, и зашевелилась. Через минуту она уже вышла в коридор — одетая, кое-как причесанная — и поспешила на кухню. Выглядела она при этом крайне недовольной и даже не пыталась скрывать своих чувств. Ее наглость просто поражала. Видимо, эта дурочка всерьез решила, что заимела влиятельного покровителя и, грея ему постель, обрела какие-то привилегии.

Пока она готовила чай, я вспомнила, что ее кровать застилает прекрасный пушистый плед из шерсти альвара. Завернувшись в такой, Эларион ни за что не замерзнет даже

самой холодной ночью. Не церемонясь, я свернула плед толстым валиком и прижала к груди.

— Что вы делаете, лера? — раздался позади голос, полный негодования. — Это моя вещь. Верните ее на место.

Рискуя уронить поднос с чашкой, девица потянулась к покрывалу, но я осадил ее самым жестким образом.

— Ваша вещь? Это роскошное покрывало, которое стоит не меньше тридцати золотых?

И голосом, и взглядом я постаралась указать нахалке ее место. Та совсем забыла, что перед ней королевская фрейлина.

— Откуда в комнате простой служанки взялся такой дорогой предмет? За какие заслуги вы его получили? А может, украли?

Сира Элла возмущенно вскинулась и поджала пухлые губы.

— Украла? Да как вы смее! Это подарок. Мне его подарил его скро... кхм... один человек.

Она шумно дышала и буквально сверлила взглядом вожаденный плед в моих руках. В какой-то момент мне даже показалось, что она бросится его отбирать, но, к счастью, остатки здравого смысла удержали ее на месте.

— Один человек? — задумчиво повторила я. — Мужчина? Что же вы сделали для него, если он так расщедрился?

Лицо служанки исказилось от злости, на миг потеряв всю свою мягкость и привлекательность.

— Это мое. Отдайте, — прошипела она, делая шаг вперед. Поднос в ее руках задрожал, и из чашки выплеснулось немного чая.

Да эта девица совсем потеряла страх! В королевском дворце за такое вопиющее неуважение к господам она давно заработала бы порку на городской площади. А эта дерзит и не боится. Вероятно, думает, что, раздвинув ноги перед его скромностью, стала неуязвимой.

Я вспомнила, как она глумилась над смиренными, вынужденными есть пересоленную пищу. Как хвалила своего садиста-хозяина за изобретательность.

Нет уж, плед я ей не отдам. Элариону он в тысячу раз нужнее.

Я глубоко вздохнула, беря эмоции под контроль. Когда заговорила, в моем голосе звенела сталь и трещали заполярные льды.

— Я главная королевская фрейлина. Королева Даэлмора — моя двоюродная сестра. Полагаю, мне стоит прямо сейчас разбудить его скромность и поинтересоваться, почему покои его служанки выглядят куда роскошнее моих. Это либо ошибка, либо намеренное неуважение. Я все же надеюсь, что наши комнаты просто перепутали. В противном случае Высшему Ордену Аскезы будет крайне любопытно узнать, отчего в мужском монастыре проживает молодая девица и за какие заслуги настоятель осыпает ее такими почестями.

Глава 12. Эларион

Оставшись в одиночестве, Эларион вздохнул, прижимаясь лбом к прутьям решетки. Совсем недавно он мечтал о кружке горячего чая — и вот явилась Мирантия и словно прочитала его мысли. Скоро она вернется, и он наконец сможет унять эту противную зябкую дрожь.

Он представил, как греет замерзшие пальцы о теплые бока кружки. Вот бы чай был по-настоящему горячим! Какие простые у него теперь желания, хотя еще недавно он пил самые дорогие вина и вкушал лучшие яства во дворце.

Как быстро все способно измениться. Буквально в одночасье.

В ожидании Мирантии холод будто усилился. Эларион стоял на одной ноге, а другую — почти окоченевшую — прижимал ступней к голени, грея теплом собственного тела. Казалось, что под ним не камень, а голый лед.

Он знал, что маленькая чашка чая ничего не изменит, но ждал ее с огромным предвкушением, как дара небес. Хотя бы какое-то спасение от жестокого холода. Хотя бы краткий миг облегчения.

Заслышав приближающиеся шаги, он прильнул к дверному окошку.

— Лер Эларион, возьмите.

Между прутьями решетки протиснулась глиняная круж-

ка.

Он едва не застонал, принимая ее из рук Мирантии. Горячая. Обхватив кружку ладонями, Эларион жадно отхлебнул и заставил себя остановиться. Если он выпьет все за минуту, то снова окажется в этом собачьем холоде без единого источника тепла. Нельзя торопиться. Надо растянуть удовольствие.

Чай горчил. Это был самый дешевый сорт, но Эларион смаковал его, как волшебный нектар. С каждым глотком возжеленное тепло струилось вниз по горлу и разливалось в груди. И хотя пил он очень медленно, кружка опустела слишком быстро, и его охватила невыносимая досада, словно не чай закончился, а вообще все хорошее в его жизни.

Он ясно ощутил, как стылость, идущая от каменных стен, просачивается в кости.

— Благодарю вас, лера Мирантия, — Эларион с сожалением вернул ей кружку.

— Это еще не все.

В изумлении он увидел, как она пытается протолкнуть в окошко толстый шерстяной плед.

— Помогите мне.

Он на секунду опешил, ошеломленный. Затем дрожащими пальцами вцепился в пушистую ткань и принялся тянуть ее на себя.

О боги, она принесла ему теплое одеяло!

Не в силах поверить своему счастью, Эларион укутался в

плед и протяжно вздохнул. Блаженство. От горячей благодарности даже защипало в глазах. Он ужасно замерз. Почти отчаялся. А сейчас ему так хорошо!

— Мирантия, вы моя спасительница, — произнес Эларион с чувством.

Часть ткани он накинул на голову, как капюшон. Теперь можно было и сесть, что он и сделал. Густой ворс служил надежной преградой между ним и холодным полом. Завернувшись в благословенную шерсть, как в кокон, Эларион растирал окоченевшие ступни.

— Вам лучше? — в дверном окошке за прутьями решетки мелькнуло лицо Мирантии.

— Вашими стараниями, лера.

Эларион вдруг подумал о своей жене. Вернее, о бывшей жене. Ему все еще приходилось напоминать себе об этом каждый раз.

Валеста никогда бы не спросила его о самочувствии. Ни за что бы не догадалась принести мужу чай и теплый плед. Когда он лежал после сражения раненый и дворцовые лекари боролись за его жизнь, супруга ни разу его не навестила, ссылаясь на то, что запах болезни ей противен.

Эларион и не ждал от нее заботы. Был не приучен ни к ласке, ни к вниманию. И теперь, когда Мирантия проявила к нему участие, его охватило смятение, а вместе с ним — какое-то неясное, щемящее чувство.

То, что женщина может заботиться о нем, стало для за-

мерзшего, уставшего Элариона настоящим откровением.

— Мне, пожалуй, пора, — сказала его добрая фея. — Не буду вам мешать. Постараюсь утром перед отъездом принести вам немного еды. Нормальной, а не той, что подают смирам. Спокойной ночи, лер Эларион.

Ему отчаянно не хотелось отпускать ее, но он ответил:

— Спокойной ночи, лера Мирантия. И спасибо за все, что вы для меня сделали.

Некоторое время он прислушивался к затихающим шагам за толстой железной дверью, затем попытался уснуть в своем шерстяном убежище. Плед Мирантии прекрасно сохранял тепло, и страдавший узник наконец мог отдохнуть. Эларион почувствовал, как медленно погружается в вязкую дрему.

Глава 13. Мирантия

Поскольку уже завтра я навсегда покидала монастырь, служанка решила не артачиться и на одну ночь уступила мне свои покои. Матрас у нее оказался куда удобнее моего прежнего, и кровать не скрипела от малейшего движения, но все это не помогало мне уснуть. В голове снова и снова прокручивались моменты сегодняшнего вечера: наш короткий разговор с Эларионом через окошко тюремной камеры, его мягкий усталый голос, искренняя благодарность, обнаженная фигура — все то, что я успела мельком увидеть, прежде чем отвернулась в смущении.

Завтра меня здесь уже не будет. Мы больше не встретимся. Пройдя ритуал очищения, лер Эларион примет постриг, а я продолжу служить королеве — этой жесткой, вероломной змее.

— Нельзя так говорить про свою госпожу, — шепнула я в темноту и упрямо поджала губы.

Но ведь она и правда змея. Подлая гадюка, загубившая достойного мужа.

Мне не хотелось уезжать. Ужасно не хотелось.

Дождь все барабанил по тяжелой сланцевой крыше, стучал по узкому открытому подоконнику, швырял горсти воды на пол моей кельи. Ветер врывался в комнату, и я плотнее куталась в плед. Стихия разбушевалась: с каждой секундой

погода за окном становилась все хуже.

Под эти звуки я и уснула.

Утром, еще до завтрака, меня нашел королевский кучер и сказал, что единственную дорогу, ведущую из монастыря, размывло дождем, и ни один экипаж по ней не проедет. Его слова означали, что я застряла в Обители Аскезы на неопределенный срок — до тех пор, пока с неба не перестанет хлестать вода и солнце не высушит землю, превратившуюся в болото.

Я придала лицу расстроенное выражение, поскольку именно этого от меня и ждали, но в душе ликовала. Я остаюсь! Каждый вечер, пока смиренные молятся в главном храме, я смогу навещать Элариона в его камере — видеть его, говорить с ним, приносить ему еду и горячий чай.

Хоть бы непогода продлилась как можно дольше!

Расспросив кучера, я выяснила, что инквизиторы тоже остаются в монастыре: верхом по раскисшей грязи еще удавалось пройти, но королева запретила им уезжать, пока ее бывший муж не примет постриг. Им надлежало удостовериться, что дело доведено до конца.

Воодушевленная, я отправилась на поиски настоятеля.

Его скромность завтракала. Когда я влетела в его кабинет, он как раз обгладывал куриную кость, держа ее двумя пальцами, блестящими от жира. На столе перед ним стояли глиняный чайник и блюдо с пирожками. При виде меня толстяк едва не подавился.

— Лера Миранда.

— Мирантия, — поправила я и растянула губы в улыбке.

— Ваша скромность, полагаю, вы уже знаете, что я не могу отправиться домой прямо сейчас. Дорога превратилась в непроходимую топь. Боюсь, я вынуждена еще немного воспользоваться вашим гостеприимством.

Судя по кислой mine, настоятель был не в курсе последних новостей, и роль радушного хозяина его не обрадовала.

— Что ж... — протянул он, едва скрывая досаду. — На все воля Великой.

Он вернул обглоданную кость на тарелку и вытер жирные пальцы белым ажурным платком с вышитыми инициалами. Окно за его спиной было затянуто плотной водяной пленкой.

— Велю Элле принести вам завтрак, лера Мирантия. Кажется, сегодня подают кашу и что-то из овощей. Вы знаете, у нас очень хороший кухарь...

Да, знаю. Тот, что умудряется испортить даже вареные яйца. Его кашу я вчера уже имела удовольствие попробовать. А «что-то из овощей» — это, наверное, тушенная брюква.

— Каша и овощи — слишком простая еда для королевской фрейлины, не находите? Я ведь, в отличие от вас, ваша скромность, не следую пути Аскезы. Мне нравится то, что я вижу на вашем столе. С чем эти пирожки? С дичью? С телятиной и белыми грибами? Распорядитесь подать мне такие же.

«Думаю, Элариону они понравятся, — добавила я мыс-

ленно. — К тому же просунуть их через решетку будет проще, чем миску с кашей».

— И побольше, пожалуйста. За ночь я очень проголодалась.

Его скромность совсем скис от моих требований, но не нашел ни единой причины, чтобы отказать статусной гостье. Слишком красноречиво его стол ломился от еды.

— Да, конечно, лера. Как пожелаете.

И он тоскливо взглянул на тарелку с пирожками. Видимо, они были у него последние.

Перед тем как уйти, я решила его добить.

— Да, кстати, хотела поблагодарить вас за прекрасные покои, которые вы мне предоставили, ваша скромность. Весьма достойно. Я приятно удивлена.

Лохматая бровь настоятеля приподнялась.

Я продолжила с приторной улыбкой:

— Плед из шерсти альвара, дорогое постельное белье, зеркало с серебряной амальгамой. Не ожидала увидеть здесь такую роскошь. Правда, вчера вечером случилось недоразумение: ваша служанка решила, будто эти покои приготовили для нее. Какая нелепость. С какой стати настоятелю мужского монастыря так выделять простую служанку?

Под моим внимательным взглядом его скромность стусывался и заерзал в кресле.

— Э-э... да. Ха-ха, — он неестественно рассмеялся. — Вы правы. Глупость невероятная. Разумеется, эти покои ваши,

лера.

Мой собеседник промокнул лоб платком — тем самым, о который недавно вытер жирные пальцы. За шумом дождя и ветра было отчетливо слышно, как он постукивает пяткой по каменному полу.

— Что ж, ваша скромность, я вернусь к себе и буду там ждать завтрак.

Настоятель кивнул, избегая встречаться со мной глазами. Но когда я взялась за холодную ручку двери, за спиной прозвучал его неуверенный голос:

— Э-э-э, лера. Позвольте попросить вас об одном одолжении? Не могли бы вы, пока находитесь здесь, покидать свои покои как можно реже? Думаю, не стоит искушать смиренных своей... красотой.

Хочет под благовидным предлогом запереть меня в четырех стенах?

Я медленно повернула голову, едва заметно улыбнувшись уголком губ:

— Почему же? Путь Аскезы — это, среди прочего, борьба с искушениями. Разве стоит облегчать вашим подопечным задачу? Чем труднее испытание, тем чище душа, верно? Так что я буду ходить там, где сочту нужным. Это только поможет вашим смиренным укрепиться в добродетели.

Мысленно посмеиваясь, я выскользнула в коридор и приотворила за собой дверь.

Через несколько минут, когда я уже сидела на постели в

своих новых покаях и слушала дождь, в коридоре раздались громкие, приближающиеся шаги.

Служанка вошла без стука. Губы ее были сердито поджаты, в глазах сверкали молнии. Она молча грохнула поднос на тумбу рядом с кроватью и так же молча удалилась, не потрудившись закрыть дверь.

Я тут же забыла о ней, потянувшись к своему дорожному сундуку, где лежала льняная тряпица. Я аккуратно завернула в нее пирожки и, подождав немного, поспешила к Элариону. Время было самое подходящее — как раз зазвенел колокол, зазывая адептов на утреннюю молитву.

Глава 14. Эларион

Завернувшись в пушистую ткань с головой, он наконец смог уснуть.

Утром, отдохнувший, Эларион понял, насколько ему повезло: Мирантия принесла не простой плед, а альварскую шерсть — где она только ее раздобыла? — и поэтому ночью ему было так тепло. Никакая другая материя не смогла бы его согреть. Теперь главное — не лишиться этой драгоценности. Не позволить монастырским извергам отобрать у него последнюю защиту от холода.

Оттого, заслышав в коридоре шаги, Эларион сбросил с себя покрывало и уложил под дверь, чтобы заглянувший в окошко не смог его увидеть. Он снова стоял на каменном полу полностью обнаженный и чувствовал бегущую по телу промозглую дрожь.

Спустя несколько секунд между прутьями решетки показалась жестяная кружка.

— Вода, — прохрипел мужской старческий голос. — Не пей сразу всю. В следующий раз принесу только вечером. На еду не надейся до конца срока.

Незнакомец отошел от двери, но вскоре снова прильнул к окошку.

— И ведро для нужды все эти три дня выносить не будут. Имей в виду.

«Значит, до конца ритуала никто не войдет в мою келью, — с облегчением подумал Эларион. — Никто не узнает, что у меня есть плед, и не отберет его».

Настроение узника немного улучшилось, но короткая вспышка радости быстро сменилась привычной подавленностью.

— На крюке плетъ, — добавил старик. — Не забывай хлестать себя по спине. Дурные мысли надо выбивать. К тому же это помогает от голода.

Эларион молчал, нетерпеливо дожидаясь, когда останется один и сможет укрыться. Наконец раздражающий тип ушел. Эларион быстро накинул на себя плед и устроился на полу под дверью, чтобы ни один смирен, проходя мимо, не заметил в окошке запрещенную вещь.

В горле после сна было сухо. Он сидел, пил воду маленькими глотками и прислушивался к тишине по ту сторону стены. Он не понимал, чего именно ждет, пока над головой не раздался мелодичный голосок Мирантии.

— Лер? — позвала она через решетку.

— Я здесь, — он встал, кутаясь в ее бесценный подарок и невольно улыбаясь треснувшими губами.

Мирантия на миг опустила взгляд, затем посмотрела на него с тревогой и каким-то другим, непонятным чувством. Ему стало еще теплее.

— Как вы пережили эту ночь?

— Пережил. Это главное.

Его гостья помолчала немного, потом протянула ему что-то, завернутое в белую тряпицу.

— Это пирожки.

Его желудок отозвался на ее слова болезненным спазмом, благо хотя бы не заурчал, позоря своего хозяина.

— Вы так добры, лера Мирантия.

Забирая сверток с едой из ее рук, он вдруг ощутил почти неодолимое желание коснуться нежных изящных пальчиков. Разумеется, он удержался — подобное было бы грубым нарушением приличий. Хотя... Он ведь мог сделать это якобы случайно.

Эларион ощутил досаду, что не догадался об этом раньше, а следом — раздражение на самого себя. О чем он вообще думает? Лера Мирантия — двоюродная сестра его жены.

Бывшей жены. Он теперь свободен и не скован никакими обязательствами.

Внезапно его по голове ударила одна мысль. Эларион пристально посмотрел на свою прекрасную благодетельницу, но не решился озвучить то, что было у него на уме. Вместо этого он принялся за пирожки.

Нежное тесто таяло во рту, начинка растекалась по языку теплым мясным соком. Он ел и чувствовал невыразимую благодарность. Хотелось растянуть удовольствие, но длительный голод заставлял его откусывать крупные куски и глотать почти не разжевывая. К его сожалению, пирожки исчезли так быстро, что он не успел насладиться вкусом.

— Неужели смирных балуют такими кушаньями? — спросил он, поправляя на плечах плед.

— Это со стола его скромности, — хихикнула Мирантия.

— Его скромность отнюдь не скромна в своих желаниях, — шутливо заметил Эларион. — Признайтесь, вы оставили его без завтрака?

Его гостя прикрыла рот ладонью. От ее глаз разбежались тонкие лучики морщин. Он смотрел на нее и мысленно подбирал слова для своей сомнительной просьбы.

— Боюсь, ему было очень горько лишиться такого лакомства. Его взгляд буквально кричал о боли. — Мирантия коротко, беззвучно рассмеялась, став в этот момент особенно хорошенькой.

— Тогда эти пирожки мне особенно милы, — ответил Эларион, а после небольшой паузы добавил, став предельно серьезным: — Лера Мирантия, вы не откажете мне в одной услуге?

Красавица подняла на него глаза. Она уловила перемену в его голосе, и по ее лицу скользнула легкая тень тревоги.

— Услугу? Что-то случилось? Вы заболели? Плохо себя чувствуете? Хотите, чтобы я нашла вам лекарств?

Эларион сглотнул. Он вдруг показался себе дерзким. Мирантия и без того была к нему, изгнаннику, необычайно добра: принесла чай, еду, плед. Имеет ли он право просить ее о большем? Тем более... о таком. Не слишком ли это нагло с его стороны?

Он отвел взгляд, собираясь с духом.

Она может оскорбиться, решить, что он злоупотребляет ее вниманием и переходит границы. И будет права.

Эларион поймал себя на мысли, что не хочет разрушить то хорошее впечатление, которое, возможно, успел произвести.

И все же он не мог не спросить. Идея, вспыхнувшая внезапной искрой, полностью завладела его разумом.

— Лера Мирантия... — начал он хриплым голосом.

Мирантия подалась ближе к решетке, и тонкий аромат ее духов — едва уловимый, почти призрачный — коснулся его, заставив сердце забиться быстрее.

— Что вам нужно, лер Эларион? — выдохнула она с беспокойством, обхватывая холодные прутья. — Скажите.

— Боюсь, вам не понравится моя просьба.

— И все равно говорите.

Он набрал полную грудь воздуха и...

Глава 15. Мирантия

Он сказал, что его просьба мне не понравится, и в его глазах было что-то такое... дрожащее в самой глубине. У меня перехватило дыхание.

Не знаю почему, но я решила, что Эларион хочет попросить о чем-то личном, выходящем за границы дозволенного. О том, что могло показаться мне непристойным или оскорбительным. Например, поддержать меня за руку или даже... поцеловать.

От этой мысли сердце забилося чаще. Исчезли все звуки, кроме одного — бешеного гула крови в ушах. Я видела, как мой собеседник собирается с духом и с нетерпением ждала, когда он заговорит.

Эларион вжался лицом в прутья решетки, почти касаясь подбородком моих пальцев на холодном металле. Огонек, который я заметила в глубине его глаз, вспыхнул ярче.

— Мирантия...

— Да?

Я замерла в предвкушении.

— Не могли бы вы...

— Да? — я подалась ближе, чуть запрокинув голову, чтобы ему было удобнее... меня...

— Принесите мне перо и чернила.

Смысл его слов не сразу проник сквозь туман моих эмо-

ций.

А потом я почувствовала себя дурочкой и торопливо отстранилась от двери, пряча взгляд. Щекам стало горячо, а в груди, наоборот, холодно.

— Зачем вам перо и чернила, лер? — голос прозвучал суше, чем обычно, и я ощутила досаду еще и из-за этого.

Лер Эларион колебался.

— А знаете что? Забудьте, — пробормотал он, тоже отходя от решетки. Смущенная улыбка мелькнула на его искусанных губах, но глаз не тронула. — Простите, что докучаю вам, лера Мирантия.

Я почувствовала, что в этот момент мы отделились друг от друга — не только физически, а так, словно Эларион решил воздвигнуть между нами невидимую стену. Наверное, он уловил в моем тоне холодные нотки.

— Нет, вы вовсе не докучаете мне, — я снова прильнула к окошку, всем сердцем желая, чтобы и он тоже подошел ближе. — И я добуду вам перо и чернила. Надо найти комнату, где смирны переписывают книги и ведут летопись. Там будет все необходимое. Просто мне любопытно, зачем вам эти вещи. Вы задумали вести дневник или хотите... написать кому-то письмо?

Эларион долго молчал, словно не решаясь раскрыть мне свои намерения. Затем будто щелкнула тетива лука — он рванул к двери, прижался к прутьям решетки и пылко зашептал:

— Да, письмо. Вы угадали, лера Мирантия. Совершенно верно. Я хочу написать письмо и передать его через вас. Вы же сегодня покидаете монастырь...

Я собралась было сказать, что проливные дожди задержали мой отъезд, но не смогла вставить ни слова в его быструю, сбивчивую речь.

— ...возвращаетесь домой. Это моя последняя возможность объясниться с Валестой. Я хочу — нет, я обязан! — написать ей письмо и еще раз рассказать, как все было на самом деле. Она должна знать, что меня подставили.

От его наивной веры в жену у меня защемило сердце, и к горлу подступил колючий ком. Бедняга так благороден, что до последнего не видит гниль в чужой душе. Но нельзя, чтобы он и дальше оставался в этом слепом заблуждении.

Я закусила губу, не представляя, как открыть ему правду.

А Эларион тем временем продолжал, и надежда в его глазах разгоралась все ярче:

— Ее, должно быть, ослепила ревность из-за моей якобы измены. Такое случается: сильные чувства затмевают разум. Но затмение проходит, и здравый смысл возвращается. Уверен, так вышло и с ней. В тот момент ее переполняла злость и желание отомстить за предательство, поэтому она не желала меня слушать.

Я покачала головой. О боги, как отчаянно он цепляется за образ жены, который сам же и придумал! И каким тяжелым, мучительным обещает стать его прозрение! Мне не хотелось

быть той, кто нанесет ему этот сокрушительный удар.

Похоже, Эларион неверно понял выражение моего лица, потому что произнес:

— Понимаю, что прошу о многом. Поначалу Валеста может рассердиться на вас за это письмо — за то, что вы согласились передать послание от изгнанника, хотя должны были всего лишь сопроводить меня до монастыря. Но потом... потом она будет вам благодарна, ведь вы помогли справедливости восторжествовать.

Он так на меня смотрел... с такой горячей мольбой.

Я отвела взгляд.

— Ее величество порвет ваше письмо.

— Или нет! — пылко возразил Эларион, схватившись за решетку.

«А если и нет, то будет смеяться, читая его», — добавила я мысленно и почти услышала, как королева хохочет, хрустя почтовой бумагой: звуки, которые издает ее горло, мерзкие, злобные, глумливые.

— Пожалуйста, Мирантия, это мой единственный шанс.

Ну почему, почему именно я должна стать палачом его надежды? Но если промолчать сейчас, он так и будет жить в плену опасных иллюзий.

— Лер Эларион, — мой голос дрогнул. Под тяжестью чужого взгляда я трусливо изучала монастырский пол. — И без ваших писем ее величество прекрасно знает, что вы невиновны. Ей не нужно ничего доказывать. Она знает. Эта

девушка... сира Антония... служанка, что опорочила ваше честное имя. Она оклеветала вас по указу королевы Валесты. Ваша жена заплатила ей за эту ложь. Слышите?

Я набралась смелости и вскинула на него глаза.

— Вы здесь потому, что так пожелала ваша жена.

Глава 16. Мирантия

На несколько секунд Эларион застыл в ступоре. Он просто смотрел на меня через окошко в двери и моргал. Затем край его рта нервно дернулся.

— Что? — переспросил узник. — Не понимаю.

Какая-то часть меня уже начинала жалеть о том, что я не смолчала. Решиться на это признание было тяжело, а теперь мне предстояло повторить свои слова еще раз. О боги, дайте мне сил!

— Все, что с вами случилось, подстроила ваша супруга. Писать ей бесполезно. Она предала вас.

Мой собеседник снова захлопал длинными светлыми ресницами, а я поежилась от зябкой тревоги: если королева каким-то образом прознает о нашем разговоре, все для меня закончится весьма печально.

— Предала? — прошептал Эларион сдавленным голосом, а после громко воскликнул: — Но почему?

Я обреченно вздохнула. Неужели и этот мучительный груз ляжет на мои плечи — попытка объяснениями? Против собственной воли я вонзила в него правду, как острый нож, а теперь меня вынуждают медленно проворачивать этот нож в ране. Но я не хочу! Причинять ему боль — невыносимо.

И все же, вопреки своим мыслям, я тихо сказала:

— Ее величество пожелала отлучить вас от двора, но раз-

вод был для нее неприемлем, поэтому... — Я запнулась и закончила едва слышно: — Поэтому она выбрала такой... метод.

На какое-то время повисло тягостное молчание. Выдержать его было столь же тяжело, как и взгляд Элариона. Пока он переваривал мои ужасные откровения, я смотрела себе под ноги и в бессилии сжимала кулаки.

— Я не понимаю, — наконец выдохнул он после долгой паузы. Вид у него был растерянный, даже оглушенный, как у человека, внезапно потерявшего почву под ногами. — Зачем ей было отлучать меня от двора?

Мне захотелось застонать от досады. Лучше бы он злился, негодовал, проклинал лживую предательницу — только бы не вытягивал из меня эти мучительные подробности.

— Не знаю, почему она так с вами поступила.

Как я могла признаться, что жена избавилась от него лишь потому, что завела себе любовника? У меня язык не поворачивался сказать ему такое.

— У нас же был нормальный брак, — пробормотал Эларион, начиная ходить по камере. — Не идеальный, но...

Я на секунду прикрыла веки.

— А может... — он вдруг рванул ко мне и вжался лицом в прутья решетки. — А может, вы ошиблись, лера Мирантия? Может, вас ввели в заблуждение? Кто-то оговорил Валесту, а на самом деле... Лер Альбер из Дома Разящего клинка всегда завидовал моим боевым подвигам. А лер Тарм из Дома

Чайной розы презирает представителей других рас. Любой из них...

— Она сказала мне об этом сама, — я вскинула ладонь, обрывая бешеный поток его слов. — Ее величество королева Валеста сама поделилась со мной своим коварным замыслом. Сказала, что хочет погубить вас, чтобы освободиться от оков навязанного брака. Она говорила прямо, открыто, без тени двусмысленности. Ее нельзя было понять превратно.

Все это я выпалила на одном дыхании, а закончив, обнаружила, что едва могу перевести дух, как после долгого бега в корсете.

Тишина после моей сбивчивой речи воцарилась оглушительная. Мне было страшно поднять глаза на Элариона, поэтому я разглядывала свои руки и слушала шум дождя. Время от времени раздавался раскат грома — порой так близко, что казалось, будто рушится крыша над моей головой.

Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем Эларион заговорил.

— Вы уверены, что поняли ее правильно? — его голос прозвучал глухо и абсолютно бесцветно. Голос незнакомца. Голос покойника.

Я все-таки заставила себя посмотреть на него — и поняла, что напрасно боялась встретиться с ним глазами: взгляд Элариона был устремлен сквозь меня, в пустоту, в глубь собственных мыслей.

— Да. Уверена.

Он кивнул. И отвернулся от меня. На один короткий миг его спина сгорбилась, но он тут же расправил плечи.

— Не могли бы вы оставить меня, лера Мирантия? Я хочу побыть один.

Его холодный тон болезненно резанул по ушам.

Глава 17. Мирантия

Смотреть в его молчаливую спину было почти физически больно, но я почему-то не могла отойти от дверного окошка — ноги словно приросли к полу. И все же следовало взять себя в руки и удалиться, как меня и просили. Навязывать Элариону свое общество я не собиралась.

— До свидания, лер. Оставляю вас в ваших мыслях.

Он не ответил.

Мне пришлось буквально заставить себя отступить от двери. Первый шаг дался тяжелее всего, но каждый следующий, уводящий меня от камеры узника, становился легче.

Один, два, три, четыре — я считала собственные вдохи.

Когда впереди показались очертания лестницы, за спиной раздался металлический грохот, будто Эларион что-то со всей силы швырнул в стену своей кельи.

Вздрогнув, я обернулась и несколько секунд прислушивалась к дребезжащему эху. Звук не повторился. Тогда я собралась продолжить путь, но влетела лицом в мужскую грудь, обтянутую черной мантией. На плечи мне легли руки в алых перчатках.

— Что вы здесь делаете, лера? Разве вам позволено свободно гулять по монастырю?

Это был тот самый инквизитор, которому на постоялом дворе я спасла жизнь. Теперь, зная, насколько он молод, я

слышала в его голосе не зловещую угрозу, а звонкие юношеские нотки. Из темноты капюшона выступал острый подбородок в черных узорах и губы, зашитые нитью татуировок.

— Мне позволено гулять там, где я считаю нужным.

Прикосновение непозволительно затянулось, и я дернула плечами, стряхивая с себя мужские ладони.

— Простите, лер, мне надо идти.

И я устремилась к лестнице, спиной чувствуя, как он пожирает меня глазами.

Смирны уже возвращались с утренней молитвы и ломали о меня взгляды. Не считая личной служанки настоятеля, эти мужчины долгие годы не видели женщин, и меня смущало их жадное любопытство. Для адептов, добровольно избравших путь воздержания, они слишком откровенно таращились на мою грудь и фигуру. В какой-то момент я ощутила себя запертой в клетке с голодными хищниками и ускорила шаг, чтобы быстрее добраться до своих покоев.

Дождь шел весь день, еще больше размывая единственную дорогу, по которой можно было уехать из монастыря. Занятий в тесной комнатухе нашлось немного, и передо мной разверзлась целая бездна свободного времени. Эти бесконечные минуты я тратила на созерцание унылых мокрых пустошей за окном и на тягостные мысли об Эларионе. Обед и ужин хотя бы немного разбавляли мою тоску.

По уже сложившейся традиции сира Эллы принесла мне еду прямо в келью. Вид у служанки был до того злобный, что

я всерьез начала опасаться, не плюнула ли она по дороге в мой чай. Зато какие изысканные яства ждали меня на подносе! Их явно доставили не из общей кухни, а приготовили отдельно для настоятеля и меня. И для его глуповатой любовницы, разумеется.

Над глубоким глиняным супником клубился ароматный пар. В густой золотистой похлебке плавали крупные куски рыбы и зубчики свежей зелени. Рядом на тарелочке лежал хлеб — теплый и такой воздушный, что мякиш пружинил под пальцами, весь пронизанный мелкими дырочками. В одной миске влажно лоснились маринованные опята, в другой — белел мягкий козий сыр. Все это я съела сама, а кусок мясного пирога завернула в чистую тряпицу для Элариона — такое угощение было проще передать через прутья решетки.

Но когда во время полуденной молитвы я прокралась к окошку камеры, то увидела лишь голые каменные стены. Узник исчез.

Неужели его перевели в другую келью? Попробуй теперь отыщи его в огромном незнакомом монастыре!

Паника уже готовилась накрыть меня с головой, но тут я уловила в тишине — совсем рядом — чье-то дыхание. Прислушалась. Звук был прямо за дверью — и шел будто бы снизу.

— Лер Эларион? — позвала я, приныкая к окошку как можно ближе. — Лер Эларион, вы здесь? Я принесла вам обед.

Он не отзывался. Но теперь я еще отчетливее слышала его дыхание — хриплое, рваное — и встревожилась.

— Вам не... плохо?

Прутья решетки сдавили мои щеки. Я пыталась разглядеть его, сидящего под дверью.

К моему облегчению, он все-таки ответил, и его голос не звучал как у раненого или умирающего.

— Не беспокойтесь обо мне, лера Мирантия. Со мной все... в порядке. Спасибо вам за заботу, но я не голоден.

Не голоден? Я покачала головой, но не стала уговаривать, боясь показаться навязчивой. Вместо этого вернулась вечером с половиной своего ужина. Но все повторилось. Он снова сидел под дверью и снова отказался от еды, будто в самом деле решил пройти ритуал очищения.

С тяжелым сердцем я отправилась в свою келью и приказала недовольной служанке приготовить мне ванну. Два дня в дороге, сутки в монастыре — мое измученное тело отчаянно жаждало горячей воды.

Сира Элла привела меня в тесную комнатку на первом этаже с дощатым полом и деревянными стенами. Вдоль одной из них тянулась низкая скамья, на которой стояли ковши и жестяные тазы, лежали куски черного мыла и грубые тряпицы для растираний. Я, конечно, привыкла к другим удобствам — к роскошным дворцовым купальням и просторным бадьям, которые встречали тебя клубами влажного пара. Но по законам Аскезы смиренны мылись холодной водой. Так что

не мне было жаловаться, ведь любовница настоятеля притащила мне из кухни целое ведро кипятка.

Я медленно разделась, зябко ежась в комнате, где не было ни камина, ни раскаленных углей, как в обычных банях. Затем так же неторопливо намылилась, наслаждаясь шершавой поверхностью мочалки. Смешала в ковшике горячую и холодную воду... и в этот момент уловила странный звук — будто доска скрипнула под чьей-то ногой или кто-то осторожно тронул дверь.

Я резко обернулась. Дверь, которую служанка, уходя, плотно затворила, теперь была приоткрыта. В узком просвете мелькнула тень — и тут же исчезла, спрятавшись за косяк.

Глава 18. Эларион

Едва осмыслив то, что сказала Мирантия, он схватил пустое жестяное ведро, которое ему оставили для оправления нужд, и швырнул в стену. Из груди вырвался короткий сдавленный крик ярости. Мозг кипел. Череп, казалось, вот-вот треснет пополам.

Двенадцать лет брака.

Двенадцать лет верности и надежды.

И вот она — благодарность за его слепую преданность жене и чужой Короне. Его просто выкинули, как вещь, что наскучила и потеряла пользу.

Губы Элариона дернулись в горькой усмешке, похожей на секундный спазм.

Когда Валеста выходила за него, этот брак был выгоден обоим государствам. Даэлмор получал надежный щит на северной границе: эльфийские земли первыми принимали на себя удар диких племен, веками прорывавшихся через перевалы. Дом Элариона обретал доступ к торговым путям и покровительство куда более сильного двора. Их союз приносил стабильность, золото, безопасность.

Но времена изменились.

Угроза, ради которой объединились два народа, давно сошла на нет. Появилась другая. Северные племена покорились, но с юга хлынули огненные гарпии. Эльфы отказались

помогать людям в войне. Союз с Даэлмором больше не давал им ни выгоды, ни влияния. Они заключали новые альянсы, находили лучшие рынки сбыта и не желали проливать кровь на чужих полях сражений.

Брак Элариона и Валесты утратил смысл. Причина, когда-то державшая пару вместе, исчезла задолго до того, как их успела связать любовь и общие дети. Но такой подлости от жены он не ожидал.

После яркой, но короткой вспышки гнева время для Элариона будто остановилось, и все вокруг подернулось туманом. Снова приходила Мирантия — он едва осознавал ее слова. Тусклый дневной свет, проникающий из окна-щели под потолком, давно сменился мертвенным мерцанием луны, а он не мог вспомнить, что делал все это время. Наверное, так и сидел под дверью, закутавшись в плед.

Эларион медленно поднял голову и обнаружил, что она будто налита свинцом. Расправил плечи — и скривился от боли в затекших мышцах. Пустой желудок отозвался голодной резью, но даже мысли о еде вызывали тошноту.

Он чувствовал себя слабым, разбитым, но ему не нравилось быть таким. Он — мужчина. Воин. Бывший лорд-консорт. Его унизили, но не сломили. Втоптали в грязь — но это не значит, что он должен прозябать на самом дне, куда его бросили. Зря Валеста думает, что он сгниет здесь тихо и покорно, ей на радость.

Он выберется отсюда. Любой ценой. И тогда каждый, кто

приложил руку к его падению, узнает, что такое настоящая расплата.

Слегка пошатываясь, Эларион подошел к лежащему на боку жестяному ведру, поднял его и поставил прямо. В тишине камеры послышалось журчание и металлический звон. Когда эти звуки стихли, узник остановился напротив стены с окошком и долго смотрел на кусочек темного неба, задрав голову.

— Я не сдамся. Вам меня не сломить, — прошептал он луне и провел пальцем по черной метке, словно желая стереть ее со своей кожи.

Не железные замки и даже не инквизиторы удерживали его здесь. Метка. Витиеватый узор чар, вплетенных в его плоть. Но, кажется, у него появилась идея, как разрушить эту проклятую магию.

* * *

В следующий раз, когда его навестила Мирантия, Эларион встретил ее с благодарностью и легким чувством вины за свое прежнее поведение. Вчера он говорил с ней сухо, отвечал на ее заботу холодностью и сдержанным отчуждением. А тем временем эта добрая девушка была единственной, кто проявил к нему хотя бы каплю участия. Да что там — без Мирантии его пребывание в этом чудовищном месте стало бы просто невыносимым.

— Спасибо вам, лера, за терпение. Если я вас чем-то вчера обидел...

— Не надо, лер. Я все понимаю. Такие обстоятельства...

Не только добрая и заботливая, но еще и понимающая. Подарок, а не девушка. Кому-нибудь повезет с супругой.

Последняя мысль показалась Элариону какой-то... неправильной, раздражающей. Она словно всколыхнула со дна души темный, мутный осадок, о существовании которого он даже не подозревал.

— О! Это лепешка с козым сыром? Изумительно. И вареные яйца? То, что нужно голодному узнику.

Он неловко улыбнулся, не умея иначе выразить свою признательность.

Сегодня аппетит к нему вернулся. Эларион отошел от окошка, чтобы Мирантия не видела, как жадно он набросился на еду.

— Кажется, вам стало лучше, — робко заметила она, стоя за дверью.

— Да, так и есть.

Его поддерживали мысли о побеге и мести, но делиться ими с Мирантией он не собирался — все-таки она приближенная королевы, и доверять ей нельзя, каким бы теплым ни казалось ее отношение.

Меж тем план уже сложился в его голове и постепенно обрастал деталями. Он дотерпит до конца ритуала очищения, дождется, когда инквизиторы уедут, и тогда...

* * *

Ночью, на исходе третьих суток заточения, Мирантия

пришла забрать плед. Эларион с трудом протолкнул толстую шерсть сквозь прутья решетки. Снова он остался полностью голым. Без одежды, без возможности завернуться в теплую ткань Эларион почувствовал себя особенно уязвимым. Это ощущение оказалось даже хуже холода, что мгновенно вцепился в его открытую кожу. Но иначе было нельзя. Если кто-то узнает, что ему помогали, ритуал заставят проходить заново. А еще три дня в этом сыром каменном мешке сведут его с ума.

Последняя ночь была ужасной. Только теперь Эларион в полной мере осознал, насколько хорошо согревала его альварская шерсть. Лишившись ее, к утру он почти окоченел. Поэтому звук отпирающегося замка прозвучал в его ушах как прекрасная музыка.

Дверь камеры со скрипом начала открываться. Чей-то глухой, равнодушный голос просипел:

— На выход.

Ритуал очищения подошел к концу.

Глава 19. Эларион

Это был его первый день в качестве смирна. На выходе из кельи ему, все еще голому, сунули в руки жестяную кружку.
— Пей.

Эларион не стал спорить, хотя жажда мучила его меньше всего. Гораздо сильнее хотелось вырваться из промозглой коморки, ставшей темницей. Но препираться значило лишь отстрочить освобождение. Он молча поднес кружку к губам.

Эларион уже не раз замечал, что вода, которую ему приносят, отдает гнилью, но полагал, что это часть пути Аскезы: смирны не должны получать удовольствия ни от еды, ни от питья. Сейчас, когда он стоял в шаге от свободы и чувствовал, как стылый воздух тюремной камеры обжигает голую спину, вкус казался особенно отвратительным.

Он сделал быстрый глоток и попытался вернуть кружку старику с ключами, но тот покачал головой:

— До дна.

Пришлось подчиниться.

После ему кинули какую-то коричневую тряпку. Развернув ее, он понял, что это одежда. Одежда! Наконец-то!

И хотя это были жалкие лохмотья, а не тот дорогой дорожный костюм, в котором он приехал в монастырь, Эларион все равно обрадовался. Теперь он мог прикрыть наготу и защититься от холода.

Однако его радость продлилась недолго. Ветхая ткань почти не грела, а в монастырских коридорах было лишь немного теплее, чем в его тюремной камере. На этом неудобства не заканчивались. С каждым движением грубая дерюга* царапала кожу. Уже через несколько минут под мышками и между лопаток появился зуд. Тело начало жечь, словно ткань была пропитана острым перцем.

Возвращаясь от кастаньяна, что снабдил его старыми, поношенными сандалиями, Эларион укрылся в темном закутке под лестницей и оттянул балахон. В тех местах, где жесткая роба терлась о плоть, кожа покраснела и покрылась мелкими пузырьками.

Он вспомнил слова его скромности. Их разговор сейчас казался не событием трехдневной давности, а чем-то из прошлой жизни. Тем вечером настоятель сказал: «Ты не знаешь, но такое одеяние готовит своему хозяину один маленький сюрприз». Теперь Эларион понял, что тот имел в виду. Одежда смиров была изощренным орудием пыток, которое приходилось носить на себе каждый день.

Звон колокола позвал адептов на завтрак. Последовав за всеми, Эларион оказался в просторном зале, где длинные деревянные столы тянулись рядами, как в казарме. Никаких скатертей — только голые доски, потемневшие от времени и бесконечных трапез.

В воздухе стоял запах тушеной капусты. На стенах под низким сводом коптили факелы. Эларион засмотрелся на

огонь. Вот то, что ему нужно, чтобы привести свой план в исполнение.

Пока он просчитывал свои будущие шаги, смирны молча рассаживались по местам. Никто не разговаривал. Слышался лишь скрип лавок да глухой стук деревянных мисок о столешницы. Служка разносил еду.

Страхнув оцепенение, Эларион тоже сел. Перед ним поставили глубокую тарелку, а рядом положили кусок черного хлеба. Воздух недаром пах капустой. В миске была именно она — серовато-желтая, размякшая в водянистой жиже.

Эларион не понимал, как это можно есть, но его соседи покорно орудовали ложками. Их движения были монотонными, лица — пустыми: ни за что не догадаешься, нравится им еда или нет. Но никто не кривился, так что Эларион тоже решил попробовать.

Никакого вкуса овощей — чистая соль.

Уронив ложку, Эларион судорожно потянулся к большому глиняному кувшину посреди стола. Первую кружку он опустошил залпом, ощущая только соль, разъедающую язык. А когда начал пить вторую... Он не сразу понял, что его насторожило. Вода в кувшине была свежая, совершенно нормальная, из родника или колодца. Без запаха болота, без привкуса гнили. Не та гадость, что ему давали в темнице.

Похоже, к нему здесь было особое отношение.

Со вздохом Эларион вспомнил вкуснейшие угощения, которые Мирантия приносила ему в камеру, и принялся грызть

черствый хлеб.

Вдруг на его плечо легла чья-то ладонь. Эларион поднял голову. На него смотрел высокий, сутулый мужчина с одутловатым лицом и впалыми глазами.

— Тебя желает видеть его скромность, — произнес он медленно, с одышкой. Казалось, шевелить языком для него — тяжелый физический труд. — Поторопись. Дело важное.

«Какое еще важное дело?» — подумал Эларион, но встал и покорно последовал за незнакомым смиренным. Тот двигался так, будто вот-вот начнет разваливаться на части.

Вариантов, зачем его позвали, было немного. Этот высокопоставленный ублюдок либо жаждал поглумиться над недавним узником, либо хотел поговорить о грядущем постриге. Эларион стиснул зубы.

Каменные стены монастыря дышали холодом. Разношенные кожаные сандалии звонко шлепали по полу. Воспаленная кожа под проклятой дерюгой горела огнем. На повороте Эларион увидел Мирантию. Она шла быстро, освещенная цепочкой трепетавших факелов. Ее щеки были бледны, а глаза горели лихорадочным блеском. Заметив его, она сбавила шаг.

— Вы к настоятелю? — спросила лера, приблизившись. Что-то в ее голосе заставило Элариона насторожиться.

Он кивнул.

— То есть вы уже знаете?

— Что знаю?

Мирантия закусила губу.

— Пойдемте, — нетерпеливо позвал их смирен-проводник, и она поспешила дальше, подобрав длинные юбки.

Эларион последовал за ней, чувствуя, как внутри поднимается тревога.

Дерюга* — грубая ткань из низкосортной льняной пряжи.

Глава 20. Мирантия

Я увидела ее из окна своей кельи и сначала даже не поверила глазам. Не может быть. Что она здесь делает? Сердце забилось как ненормальное.

Сегодня, как и все последние дни, лило без остановки. Она была верхом — иначе сюда было просто не добраться: бесконечные дожди превратили единственную дорогу к монастырю в топкое болото.

Сквозь стену воды я плохо разглядела ее лицо, но узнала платье — бордовое, с черной тесьмой на лифе и тяжелым подолом. Сейчас длинная юбка была вся в грязи. Такие разводы остаются, когда лошадь мчится по лужам, поднимая высокие брызги.

Похоже, она спешила прибыть в обитель лично, раз пересела из кареты в седло. Но что же случилось, если даже непогода ее не остановила? Я должна узнать.

Понимая, что ее величество прежде всего отправится к настоятелю монастыря, я устремилась туда же — и в коридоре столкнулась с Эларионом. Лера вели в кабинет его скромности.

Значит, приезд Валесты связан именно с ним, с ее бывшим мужем. Впрочем, это было понятно с самого начала. Какие еще дела могли привести королеву в мужской монастырь?

Меня окатило холодом. Ничего хорошего от своей жестокой госпожи я не ждала.

В кабинет я вошла вместе с остальными, хотя предстоящий разговор явно был не для чужих ушей.

В кресле для гостей действительно сидела Валеста. Собственной персоной. Отпали последние сомнения.

Я скосила взгляд на Элариона. Он шагнул в комнату, заметил жену — и дернулся, словно натолкнувшись на невидимую преграду. Его лицо на секунду обмякло, будто мышцы превратились в поплывший воск, но уже в следующий миг он взял себя в руки и спрятал эмоции под глухой маской.

— Ох, мой дорогой! — воскликнула Валеста, вскакивая на ноги.

Теперь и мое лицо стекло вниз, ибо она шагнула к мужу, любовно протягивая руки.

Что происходит?

Голову королевы украшала маленькая дамская шляпка — бордовая, в цвет платья. Черты лица едва угадывались под черной сеточкой. Это была еще одна странная деталь: королева никогда не носила вуалеток. Но мысль тут же оборвалась. Сейчас меня куда сильнее волновало другое — неожиданное поведение моей госпожи. Зачем она здесь? И что задумала?

Его скромность и провожавший нас смирн тактично удалились, чтобы не мешать разговору бывших супругов. А я... Я — нет. Я осталась в комнате, несмотря на все те недву-

смысленные намеки, что бросал мне настоятель. Так или иначе, ее величество меня не замечала. Все ее внимание было приковано к Элариону.

— Мой любимый муж, мне так жаль, что тебе пришлось пройти через все эти испытания. Если бы я могла повернуть время вспять и не допустить той страшной ошибки. Ревность ослепила меня. Ревность и сердечная боль. Но я здесь, чтобы все исправить. Простишь ли ты меня, любимый?

Мне показалось, что я попала в какой-то абсурдный сон.

С губ Валесты струился тягучий мед, голос дрожал, словно ее переполняли сильные чувства. Моя госпожа была прекрасной актрисой, способной задурить любую, даже самую холодную голову. Но я слишком долго была королевской фрейлиной и научилась видеть ее насквозь. Каждое слово, произнесенное сейчас, было лживым, в каждом жесте сквозила фальшь. Все эти фразы о любви и раскаянии она наверняка сто раз отрепетировала у зеркала. Мне стало страшно, ибо я не понимала, зачем весь этот спектакль.

— Я должна была выслушать тебя, прежде чем созывать суд, — продолжала она, и ее голос звучал на удивление искренне. — Но одна только мысль об измене... ох, разум помутился. Я поверила. И теперь ужасно корю себя за это... — Ее величество картинно всплеснула руками. На щеках под вуалью что-то блеснуло. Неужели слезы? — Десять лет я лечилась от недуга, что не давал подарить тебе наследника. Десять лет твоя постель оставалась пустой. Любой мужчина не

выдержал бы столь долгого ожидания. Так я подумала тогда. Что ты... сорвался. И разозлилась. Ведь мое лечение было таким... таким тяжелым и болезненным. А муж вместо поддержки полез на служанку. Но ты был мне верен — теперь я это знаю. Когда чувства улеглись, я приказала допросить ту продажную девку с особым пристрастием. И когда на нее надавили, она во всем созналась. Да! Она сказала, что обогала тебя. И эту клевету ей оплатил лер Сальварин из Дома Золотой Пряжи.

Не удержавшись, я покачала головой. Это же ее тайный любовник! Боги, какую игру она ведет?

— И он понес наказание. Все виновные в твоём унижении лишились головы. А я сразу же отправилась за тобой. Посмотри, — она покрутилась перед ним, показывая свое грязное мокрое платье. — Я скакала сюда под чудовищным ливнем. По ужасной распутице. Только чтобы скорее увидеть тебя и попросить прощения. Мой милый, я так виновата. Так виновата. Прошу, вернись со мной во дворец. Твое честное имя полностью восстановлено. Ты снова мой муж и лорд-консорт.

Меня начало трясти. Мой разум словно раскололся надвое. Одна часть меня твердила, что новость хорошая: Эларин больше не изгнанник и может вернуться к прежней дворцовой жизни. Другая — не доверяла королеве Валесте и ее приторным речам. Что-то здесь было нечисто.

— Скажи, что прощаешь меня, — с надрывом всхлипнула

королева, прижимая к мужу всем телом.

Я посмотрела на Элариона. Годами эта коварная женщина водила его за нос, удерживая на крючке манящими обещаниями и редкими проблесками нежности. Неужели и сейчас он поверит ее сладкой лжи?

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.